

16+

Сообщество свободных авторов

Свободное лето

Стихи и проза

.

Свободное лето. Стихи и проза

«Издательские решения»

Свободное лето. Стихи и проза / . — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932385-9

Сообщество свободных авторов — это совершенно новый стандарт в творчестве. Это самостоятельная группа неординарных людей, желающих заявить о своих произведениях всему миру. В данный сборник вошла малая проза и поэзия. Для удобства читателя мы разделили произведения на разделы и постарались сделать его максимально интересным и летним. Вы окунётесь в жаркое лето, веющее свободным ветром поэзии и захватывающими историями. Приятного чтения!

ISBN 978-5-44-932385-9

© .

© Издательские решения

Содержание

Аннотация	7
Ведущий автор	8
Платонов Владимир Евгеньевич	8
Чудо	10
Дождь над городом	14
Отрывок из повести «Душа»	19
Отрывок из повести «Душа»	23
Стихи	26
Нежность	27
Белое	27
Вчера за окошком вальсировал снег...	28
Сегидилья	29
Мужчина Ангел	30
Летний ветер	31
Я больше не...	31
О чём душа поёт	32
Ночь на вокзале	33
Вблизи заброшенного замка	35
Человек человеку – дом...	37
А может быть, я из другого века?..	38
Слёзы – смертельный яд...	39
Словом сильным и словом твёрдым...	40
Внутренний огонь	41
Малая Родина	42
На руинах рая	43
На распутье	44
Путь...	45
Любимый город	46
На зеленой полянке...	47
Лиственницы иглы распушили	47
Голоса весны	48
Памятный мотив	50
Летний дождь	51
На исходе май	52
Нараспашку двери отворяя...	54
Где ты?..	55
Когда на улице не лето...	56
Осеннее	56
Боярышник	57
Обнажённая осень	58
Распускается в мире весна	59
Бирюзой отливаясь...	60
Капельки	61
Время счастья наступило...	61
А заверните заботу мне...	62
Доброе утро, малыш!	63

Колыбельная о Ведьмаке	64
Проза	66
Её величество – природа	67
История одной песчинки	67
Как у берёзы появились пятна	68
Её удивительный мир	69
Скользящий вниз	71
О людях, о жизни, о чём-то очень важном...	73
Бабка Матильда	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Свободное лето Стихи и проза

•
Корректор Елизавета Клейн
Корректор Елена Мельниченко

© ., 2024

ISBN 978-5-4493-2385-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Сообщество свободных авторов – это совершенно новый стандарт в творчестве. Это самостоятельная группа неординарных людей, желающих заявить о своих произведениях всему миру. Мы – команда, которая ежедневно пополняет список интересных авторов.

В данный сборник вошла малая проза и поэзия. Для удобства читателя мы разделили произведения на разделы, в которых отражены различные темы, которые в этот раз вышли очень летними и интересными.

Вы держите в руках невероятную книгу, так как на её страницах – переживания, ощущения, эмоции и мысли более тридцати талантливых авторов. Вы окунётесь в океан, бушующий захватывающими историями. Вы почувствуете контраст реальности и придуманного мира, начнёте сопереживать литературным героям. Время за пределами сборника остановится.

Свои произведения в сборник предоставили: Ирина Кульджанова, Сергей Ходосевич, Владимир Платонов, Игорь Бушуев, Родионова Юлия, Лариса Смагина, Евгения Саница, Виталина Мальхина, Ольга Шальнева, Татьяна Милованова, Юлия Алексеева, Лидия Королёва, Лена Боголюбская, Тамара Сальникова, Александр Снежник, Надежда Оболенская, Милена Гусева, Оксана Довгучец, Светлана Чеколаева, Наталья Королёва, Анастасия Зарецкая, Громогласов Александр, Павел Новичков, Владислав Васенёв, Иванова Тоня, Подольский Сергей, Пан Шафран, Рудаева Мария, Оксана Ююкина, Елена Махнёва, Виталий Агеенков, Сергей Дубровин, Скарлетт Рид, Катерина Игнатова, Владимир Джанелидзе.

Разрешение на публикацию получено от каждого автора.

Приятного чтения!

Ведущий автор

Платонов Владимир Евгеньевич

Что может сказать о себе совершенно обычный человек, житель Северо-Западной зоны Российской Федерации? Абсолютно ничего интересного. Родился в городе Пскове 1 декабря 1966 года. Событие это я почему-то не помню, просто знаю от родителей, что это произошло именно в то время и в том месте.

Как и все советские дети ходил в ясли, потом в садик, затем в школу. После восьмого класса занялся боксом и заодно поступил в Псковский индустриальный техникум, по окончании которого был призван в ряды Советской Армии.

Там я совершенно случайно попал в батальонный вокально-инструментальный ансамбль. Доверили мне шестиструнный инструмент не потому, что я был мастером звуко-воспроизведения, а потому, что не нашлось никого, кто хоть когда-нибудь держал в руке медиатор, и мог попасть им по струне два раза подряд. Так я стал местным Ричи Блэкмором.

Попытки им остаться я предпринимал и после армии, дополнив их изучением классической гитары, но с наступлением весёлого перестроечного времени, я оставил и эти забавы.

Затем я попытался стать бизнесменом, и благополучно провалил это мероприятие после дефолта августа 1998 года. Ещё две попытки были предприняты в 2005 и в 2010 годах, и обе с тем же самым – нулевым результатом. Где-то между первой и второй попыткой разбогатеть произошло ещё одно незначительное событие – появление новой ячейки общества, в составе которой вскоре появились двое мальчишек.

Я никогда не думал, что смогу написать хотя бы маленький рассказик. Но примерно семь лет назад в одной из групп хорошо известной социальной сети «ВК» появилась игра на лучший рассказ. Я не выиграл игру, но сама попытка мне понравилась. С тех пор я написал несколько стихов, десяток миниатюр и четыре повести, одна из которых была даже удостоена чести издания в чешском альманахе «Пражский парнас» в 2010 году. Надеюсь, читателю понравится то, что представлено в этом сборнике!

Чудо

Маленький Витя шёл из школы домой с нехарактерным для него грустным видом. Он собирался поиграть немного во дворе, но его друзей – Костю и Диму – оставили после уроков, поэтому ему ничего не оставалось, как идти домой, где, как он знал, его тут же посадят за выполнение домашних заданий.

Витя зачерпнул рукой большую горсть снега, слепил из неё снежок и кинул его в сидящую на ограде детской площадки галку. Галка перелетела на навес подъезда, недовольно крикнув при этом, словно произнеся: «Мазила!». Мальчик, конечно, не попал, да, собственно, и не рассчитывал на это. Накануне прошёл обильный снегопад, и Вите хотелось пощупать рукой липкий снег, скатать из него снежную бабу и обстрелять её снежками, но, увы, одному это делать было скучно, поэтому Витя, приложив ключ к домофону и открыв дверь подъезда, уныло поднимался по лестнице домой.

И всё же необходимость немедленно сесть за уроки не была причиной его грустного настроения. Новый год прошёл всего две недели назад, и в этот Новый год Витя неожиданно получил подарок от Деда Мороза, в точности соответствующий его желаниям. Мальчик очень обрадовался и долго удивлялся: «Как это Дед Мороз сумел отгадать моё желание, если я не писал в этот Новый год ему письмо?». А после каникул он принёс подарок в школу и утёр нос некоторым своим одноклассникам, пытавшимся заставить его думать, что никаких дедов морозов не существует, а все подарки делают родители, бабушки, дедушки, братья и сёстры. Он так горячо и искренне отстаивал свою правоту, что друзья-скептики прекратили спорить и примирительно согласились: «Ну, может, иногда такое и бывает». Однако вчера случайно подслушанная фраза отца в разговоре с бабушкой разбили все его восторженные иллюзии. Он понял, что подарок был куплен в детском супермаркете, и что-то померкло в душе малыша.

Придя домой, Витя разделся, сел за стол, молча съел приготовленный обед и, убравшись в свою комнату, начал доставать из портфеля дневник, тетради и учебники. Мать сразу заметила перемену в настроении ребёнка, и очень удивилась и насторожилась, когда узнала, что она вызвана не плохими оценками. Она подошла к сыну, погладила его по голове и присела рядом.

– Что случилось? – участливо спросила она.

– Ничего, – буркнул в ответ Витя.

– Не хочешь говорить? Ну, ладно. Я, когда была маленькой, тоже вот так уходила в свою комнату, да ещё и закрывалась, когда мне что-то не нравилось. А потом, когда успокаивалась, выходила и шла играть. Ты пойдёшь потом играть?

– А уроки? – удивлённо переспросил Витя.

– Уроки ты, я вижу, уже начал делать, поэтому ты, наверное, быстро их сделаешь, – ответила мама.

– Ну, потом пойду, наверное, – всё ещё нехотя ответил мальчик.

– Вот и хорошо. Во что будешь играть? Пойдёшь на улицу?

– Нет. Димку с Костей сегодня не пустят. Они двойки по контрольной схватили. Они сегодня дома сидеть будут, двойки исправлять.

– А, понятно. Будешь тогда играть дома?

Витя недолго помолчал и вдруг решился.

– Мам!

– Да? – ответила мать, понимая, что речь, наконец, пойдёт как раз о том, что расстроило ребёнка.

– А чудес не бывает?

«Ничего себе вопрос!»: подумала мама, а вслух произнесла:

– Ну, я думаю, что иногда бывают. А что?

– Вот и я думал, что бывают, – расстроено вздохнул мальчик.

– А теперь?

– А теперь думаю, что не бывает.

– Почему?

– А зачем вы мне сказали, что робота принёс мне Дед Мороз, когда это папа купил мне его в «Детском мире»? – слегка даже разозлившись, спросил Витя.

«Вот оно что! – подумала мать. – Интересно, как он узнал? Наверное, услышал что-то. Ну, да, точно: Сашка с мамой вчера на кухне о ценах на игрушки говорили. Что ж ему ответить-то?»

– Ну, а тебе понравился подарок?

– Понравился, но это не Дед Мороз его подарил!

– А разве от этого подарок стал хуже?

– Нет, не стал, но получается, что Деда Мороза нет? И чудес не бывает?

– Скажи, что для тебя было важнее: чтобы это был именно тот подарок, который ты хотел, или чтобы его принёс именно Дед Мороз? Ты хотел этого робота? – не отвечая на вопрос, уклончиво продолжила мать.

– Конечно, хотел!

– А теперь, смотри... Вот Дед Мороз. Он получил письма от множества детей и взрослых. Так?

– Ну, так, – нехотя согласился мальчик.

– Что он теперь должен делать? Он должен привезти подарки для всех, кто ему написал, так?

– Так.

– А как ты думаешь, откуда он возьмёт эти подарки? Вот, некто – мальчик Витя – захотел робота. Где Деду Морозу его взять?

Такой вопрос оказался неожиданным для ребёнка, и малыш ненадолго задумался, однако, быстро нашёлся:

– В Китае! Где же ещё?

От этого ответа мама на секунду замерла, а потом расхохоталась. Насмеявшись вдоволь, она спросила:

– Почему в Китае?

– Так там же на игрушке написано, что она сделана в Китае!

– Ага! Получается, ты знаешь, что Дед Мороз сам подарки не делает? Значит, вся ценность Деда Мороза только в том, что он их доставляет?

Этот вопрос снова поставил Витю в тупик.

– Да я уже понял, что чудес не бывает, – нехотя признался он.

– А вот тут я с тобой не соглашусь. Ещё как бывают! Каждый день, каждую минуту появляется огромное количество новых чудес, – неожиданно ответила мать.

– Как это? – удивился мальчик, и слегка приоткрыв рот от удивления, приготовился слушать.

Однако вместо рассказа мама снова задала вопрос:

– Вот скажи, почему тебе так нравится этот робот? Что в нём хорошего?

Мальчик ненадолго задумался, а потом ответил:

– Ну, он умеет драться с другим роботом.

– Та-ак!

– Ещё он всякие команды выполняет, если ему задать программу.

– Точно, он это умеет. И разве это не чудеса?

– Какие же это чудеса? Это всё люди сделали!

– А, значит, то, что сделали люди – это не чудеса. Тогда что такое чудо, по-твоему?

– Что такое чудо? – удивлённо переспросил Витя, недоумевая, что мама не знает ответ на такой простой вопрос.

– Да, что такое чудо, как ты думаешь?

Мальчик хотел было уже ответить, но вдруг почувствовал, что не может ничего сказать, потому что и сам толком не знает ответ.

– Хорошо, – продолжила мама. – Тогда давай так. Я тебе буду приводить пример, а ты мне говори – чудо это, или нет. Идёт?

От плохого настроения ребёнка не осталось и следа, настолько он был заинтересован.

– Ага! – с энтузиазмом ответил тот и приготовился слушать пример.

– Вот, допустим, ты узнал, что робота тебе и в самом деле принёс Дед Мороз. Это чудо?

– Да! – уверенно ответил Витя.

– А теперь ты узнал, что Дед Мороз живёт на Северном полюсе в двухэтажном зимнем доме с электричеством, что письма он получает через интернет, потом составляет маршрут покупок игрушек в разных магазинах мира, арендует самолёт и вовремя доставляет все игрушки по всем указанным адресам в точное время, тогда это чудо?

Мама ещё не закончила говорить, а ребёнок уже откровенно хохотал:

– Мам, так я же всё это в фильме видел! Вы его недавно с папой смотрели, где дядя на необитаемый остров попал с волейбольным мячом. Где он ещё зуб себе коньком удалял. Он же как раз подарки и вёз? Выходит, и Дед Мороз там работает?

Мать тоже засмеялась вместе с сыном.

– Что? Это ты про фильм «Изгой»? Думаешь, Дед Мороз работает в компании FedEx?

– Ага! – продолжая хохотать, ответил Витя.

– Да, там у них наверняка Дед Мороз имеется. Так будет ли чудом подарок от такого Деда Мороза?

– Нет, конечно!

– Ладно. Тогда представь себе, что вот тут – напротив нас, посередине комнаты, прямо сейчас – появился новый велосипед. Будет это чудом?

– Ух, ты! Конечно, будет!

– Так. А теперь представь, что компания FedEx, где работает Дед Мороз, придумала новый способ доставки покупок, и этот способ ты и увидел. А в старших классах на уроках физики ты будешь его изучать. Будет это чудом?

– Ну... тогда... наверное, нет.

– Тогда правильно ли я понимаю, что чудо – это что-то, чему пока не найдено объяснение?

– Да, пожалуй, правильно.

– Но как только объяснение получено, чудо перестаёт им быть. Так?

Витя задумался. Всё казалось логичным, и вроде бы следовало ответить утвердительно, но в душе Витя чувствовал, что не согласен с таким положением.

– Нет, не так, – после паузы ответил он.

– Тогда я что-то запуталась. Может быть, ты сам приведёшь мне пример чуда?

Мальчик немного подумал и сказал, опять засмеявшись:

– Вот, если бы сюда влетела конфета на крылышках, то это было бы чудо!

– Так, кажется, я тебя поняла. Если бы ты потом узнал, что эти крылышки были сделаны на фабрике вместе с самой конфетой, то это чудом бы не было, так?

– Так.

– А если бы, скажем, ты узнал, что это я, не вставая с этого дивана, сделала так, что к тебе прилетела конфета? Тогда это чудо?

– Да, – с энтузиазмом ответил Витя.

– Ага! А если бы ты сам мог так сделать, тогда это чудо?

– Да! – ещё более воодушевлённо ответил малыш.

– Всё! Я поняла! Теперь представь, что твой друг Костя пришёл завтра в школу, и оказалось, что он свободно может говорить на пяти иностранных языках. Это чудо?

– Ага! – представив себе эту невообразимую картину, кивнул головой мальчик.

– Тогда представь, что ваш лучший спортсмен в классе Дима прыгнул в длину с места на пять метров, это чудо?

– Ха! Это уж точно, чудо! Он пока может только на метр семьдесят прыгнуть, и то это больше всех в классе. А уж на пять... Так, по-моему, даже взрослые не прыгают.

– Вот. Тогда правильно ли я поняла, что чудо – это способность делать то, что больше никто не может?

Витя опять немного подумал и снова кивнул.

– Ну, наверное, да!

– Тогда получается, что единственный источник чудес – это сам человек? В том числе и ты?

Последнее утверждение явно понравилось ребёнку, и он заулыбался:

– Ага!

– Значит, – продолжила мать. – Если ты вдруг сегодня на отлично сделаешь все уроки и прочитаешь две главы твоей книжки, то это будет маленькое чудо?

– Да-а! – расплылся в довольной улыбке Витя.

– Тогда беги на кухню! Бабушка оставила тебе вчера торт. А потом пойдём творить чудеса!

– Ур-р-ра! – с громким криком радости сорвался на кухню малыш, в твёрдой уверенности, что он чудотворец. И что он сегодня обязательно постарается сотворить своё чудо!

Платонов Владимир Евгеньевич

Дождь над городом

Сегодня неожиданно пошёл дождь. Это не должно было произойти, и всё же это случилось. Самая обычная вода – вода, бессчётное количество раз проливавшаяся дождём на тротуары и заасфальтированные улицы, на невысокие симпатичные домики, на деревья и проходящие мимо трамваи, сейчас, точно так же, как и всегда, звучно хлестала по крышам домов и зонтам немногочисленных прохожих. И никто, никто в этом мире, кроме одного единственного человека, не знал: этот дождь должен всё изменить, – и больше не будет ни радующих глаз уютных домишек, ни тихой улочки с рельсами и трамвайчиками, спускающейся к морю, ни самого моря с парусниками и яхтами, ни даже острова – всё это подлежит пересмотру и изменению после вчерашнего совещания в Совете Верховной Реальности.

Вообще-то, предстоящее Кардинальное Изменение было шагом хоть и отчаянным, но правильным, ибо именно здесь в ближайшем будущем должен появиться человек, который станет тираном всех известных на данный момент двенадцати вселенных. Но Конрад думал о том, как это несправедливо по отношению к людям и их дивному мирку, на который он сейчас смотрел.

Вчера на совещании он голосовал против такого резкого решения, но его голос потонул в общем хоре не желающих подвергать себя риску членов Совета. «Конечно же, они правы. И я должен был поддержать большинство. Ну, что такое счастье и уют нескольких сотен тысяч человек в сравнении с судьбами триллионов? Да ведь им самим-то, собственно, ничего и не грозит! Уже через пару часов никто из них и не вспомнит о тихом красивом городе возле моря. Они будут жить в новой реальности и думать, что так было всегда. Вполне возможно, в новом созданном для них мире они будут даже счастливее...» – пытался успокоить себя Конрад, но какой-то странный внутренний протест не давал ему этого сделать. Он с грустью смотрел на видеообраз, передаваемый монитором телепортационной кабины, и думал о том, что самое лучшее его творение за последние пару тысяч лет вот-вот должно будет кануть в вечность.

Конрад был создателем этого уютного мирка при последнем его изменении двести лет назад. Именно он прописывал все детали новой реальности, а также новые судьбы её обитателей. Он гордился своей работой. Очень часто, чтобы отдохнуть от непростых обязанностей Исполнителя-контролёра Совета Верховной Реальности, он прибывал сюда, на несколько дней останавливался в уютном придорожном мотеле и наслаждался тихим спокойным течением жизни маленького приморского городка.

Конечно же, Конрад знал: изменений, а значит, и возможностей воплотить свои фантазии в жизнь будет ещё много, но почему-то ему казалось, что с исчезновением этого мира он упускает в своей жизни нечто невероятно важное, нечто такое, без чего вся его дальнейшая деятельность будет иметь мало смысла, – и он захотел посетить этот чудесный край в последний раз.

Ему ни в коем случае нельзя было попадать под дождь в момент Изменения, если только он не хотел разделить судьбу обитателей изменяемой реальности, но Конрад не боялся дождя. Ему много раз приходилось непосредственно на месте наблюдать, как идёт процесс, и специальный, невидимый постороннему глазу, энергетический барьер Исполнителя-контролёра надёжно защищал его от воздействия нежелательных элементов внешней среды. Конрад пристегнул к своему поясу небольшой генератор, проделал на мониторе необходимые манипуляции и мгновенно оказался в маленьком приморском городке.

Улица, на которой он появился, выходила прямо к берегу моря. В воздухе чувствовалась сырость. Спецзащита была пока не нужна. Накрапывал мелкий дождик, который, постепенно

усиливаясь, где-то через два часа должен будет перерасти в сплошную стену воды; и вот тогда-то, только в последние десять минут, новая реальность заменит старую.

Конрад шёл по улице, наслаждаясь запахом чистого морского воздуха, любуясь стоящими вдоль дороги уютными невысокими домами в стиле шале, ёжась от стекающих за шиворот дождевых капель с листьев придорожных деревьев, смотря вслед убегающим аккуратным, словно игрушечным, трамвайчикам. Почему-то эти трамвайчики в этот раз привлекли его внимание, и он решил прокатиться на одном из них.

Конрад подошёл к остановке, дождался следующего транспортного средства и вошёл в него вместе с остальными ожидающими. В трамвае было светло и сухо, он был наполовину пуст. Конрад встал в проходе, взялся за поручень и начал осматривать находящихся в трамвае людей. «Самые обычные люди! Кто-то едет с работы, кто-то только на неё. Кто-то едет из гостей, кто-то в гости. Вон та девочка возле окна наверняка едет из школы. Какие разные у них у всех выражения лиц! Вот этот мужчина точно устал и хочет добраться до дома и отдохнуть. А этот явно куда-то торопится, на часы посматривает. Куда, интересно? Кто его ждёт? А вот эта пара – парень и девушка – однозначно влюблены! Похоже, для них в этом мире сейчас больше никого нет! Как же приятно на них на всех смотреть! Боже мой, и ведь никто из них даже не подозревает о том, что с ними произойдёт через какие-то два часа! Да и потом никто ничего не будет знать... Так, а это кто?..» – думал Конрад, но не успел он полностью сформулировать мысль, как услышал прямо возле уха робкий, неуверенный голос:

– Простите, могу я вас попросить помочь мне?

За спиной Конрада стояла молодая симпатичная девушка и застенчиво смотрела на него.

– Да, конечно, слушаю вас, – с готовностью ответил Конрад.

– Понимаете, – чуть смелее продолжила девушка. – Я приехала домой всего на неделю. Я вынуждена работать в другом городе. Но я никого не предупредила о своём приезде, и дома никого не оказалось. Мне теперь некуда идти, а у меня ещё и тяжёлый чемодан. Не помогли бы вы мне дотащить его до ближайшей гостиницы, она будет рядом со следующей остановкой? – завершила она почти шёпотом, видимо, совершенно не надеясь на помощь.

– Почему же вы не сообщили о приезде своему супругу? – по какой-то странной причине этот вопрос вдруг заинтересовал Конрада, хотя это не должно было иметь совершенно никакого значения.

– Н-но... видите ли... я... я не замужем, – тихо ответила девушка так, словно стыдилась этого состояния, она почему-то покраснела и опустила глаза.

Конрад ответил не сразу. Он осмотрел незнакомку с ног до головы: стройная, светловолосая, в приталенной, мокрой от дождя рыжей кожаной куртке, она стояла, потупив взор и, похоже, была готова заплакать. Во всяком случае, так ему показалось. И в этот момент ему вдруг нестерпимо захотелось обнять её, прижать к себе и не отпускать до тех пор, пока не произойдёт Изменение. Он знал: те, кто в момент смены реальности смогут не разрывать объятий, останутся вместе и в следующем мире, хотя и не будут ничего помнить о предыдущем, и ему вдруг подумалось: а почему бы не провести весь остаток биологического срока нынешнего тела с этой девушкой? Пусть она готовит ему завтрак по утрам, а вечером он сам приготовит ужин на двоих. С утра он уйдёт на работу, а она станет его ждать, наводя в доме порядок. После его прихода они будут долго гулять под ручку в парке, а вечером поссорятся из-за выбранного фильма, но, в конце концов, обязательно посмотрят его вместе и окажутся довольны выбором. Их дети будут способными и вредными, поступят в колледж и вылетят из родительского гнезда, когда придёт для этого время, и они...

«Что за чёрт?» – подумал Конрад, мотнул головой, словно отгоняя от себя наваждение, и, тем не менее, решительно взявшись за ручку чемодана, уверенно сказал:

– Ну, конечно же, я вам помогу!

– Правда? – она взглянула на него с радостной улыбкой и смахнула слезу рукавом куртки.

– Правда. Мы сейчас выходим?

– Да! Тут совсем рядом! Это быстро... – скороговоркой заговорила девушка, словно боясь, что её провожатый передумает.

– Как вас зовут?

– Что? – переспросила она от неожиданности, затем улыбнулась и ответила: – Луиза, но можно просто Лиз. А вас?

«Как же ей идёт эта улыбка!» – подумал Конрад и ответил:

– А меня Конрад, – улыбнулся он ей в ответ. – Ну, вот и остановка, показывайте дорогу!

Гостиница и вправду оказалась рядом, впрочем, Конрад это прекрасно знал. Администратор на Reception выдал Луизе ключи от номера на третьем этаже, они поднялись по лестнице, Конрад поставил чемодан в прихожей и, улыбнувшись, сказал:

– Вот мы и на месте! Надеюсь, ваши родственники скоро будут дома! – повернулся он было к двери, как вдруг услышал:

– А... разве... вы уже уходите?

Ему нужно было уходить, но у девушки был такой расстроенный вид, что он ответил с улыбкой:

– Но ведь чаю мне никто не предложил!

– Ой! Конечно! Я сейчас, быстро! А... а какой чай вы любите?

– А у вас и выбор есть? – слегка удивился Конрад.

– У меня есть чёрный индийский и зелёный!

– Зелёный! Я люблю зелёный чай!

– Тогда проходите. Я сейчас распакую чемодан. Я быстро.

Конрад снял куртку, повесил её на вешалку, прошёл по комнате и подошёл к окну. Дождь стал сильнее. Это был ещё не ливень, но и мелким морозящим его было уже не назвать. «Да, так и должно быть. Где-то через час он станет проливным, а ещё через полчаса это будет сплошная стена воды, и вот тогда нужно будет включить защиту», – подумал он, когда услышал, как хозяйка зовёт его к столу.

За чаем она рассказывала ему о себе, но Конрад совершенно не слушал то, о чём она говорила. Ему всё больше и больше нравилась эта девушка: было очень приятно находиться в её обществе, слушать обворожительный голос, смотреть, как она пьёт из чашки и поправляет спадающую на лоб прядь светлых волос. И одновременно с этим Конрад чувствовал нарастающее беспокойство. Он всё чаще оглядывался на окно – дождь становился сильнее. До Изменения оставалось каких-то пятнадцать минут. Он уже нащупывал рукой генератор энергетического барьера и начинал очень сильно нервничать. «А, может, и вправду решиться?» – опять мелькнула у него предательская мысль, и в этот момент хозяйка встала, подошла к окну и сказала:

– Ой, смотрите, как усилился дождь! Давненько я не видела здесь такого ливня! И мне кажется, он будет ещё сильнее. Знаете, я почему-то его боюсь! – вдруг повернулась она к Конраду.

«А! Будь что будет!» – подумал тот, встал из-за стола, и подойдя вплотную к Луизе, спросил:

– Можно, я задам вам вопрос?

– Задавайте, – тихо ответила она.

– Луиза!

– Да?

– Вы хотели бы провести всю жизнь со мной?

– Да! – совсем тихо шепнула девушка.

Конрад взял её за руки и легонько потянул к себе. Она не отстранилась, а послушно подавалась вперёд, положив руки ему на плечи. Он коснулся губами её губ и слился с ней в жарком страстном поцелуе.

За окном ливень перерос в сплошной поток воды, а в комнату проник такой сильный туман, что разглядеть ничего было нельзя даже на расстоянии вытянутой руки, но влюблённые этого не видели. Они полностью растворились друг в друге и не замечали ничего, происходящего вокруг...

На мониторе дежурного поста Центра Управления Реальностями загорелся тревожный значок. Оператор протёр глаза, смачно выругался и коснулся пиктограммы срочного вызова.

– Говорите! – раздался усталый голос.

– Красная тревога! Ситуация номер 166!

– Какой сектор?

– Сектор номер 212.

– Тот самый? Руководителей Направлений и Отделов срочно ко мне!

Через десять минут в огромном зале Управляющего Реальностями находились все двадцать восемь высших руководителей, а также все члены Совета.

– Итак, это Изменение было просчитано неверно? Кто этим занимался? – задал вопрос спикер Совета.

– Не совсем так! – из-за гигантского круглого стола поднялся молодой человек. – Изменение было просчитано верно, но произошло несанкционированное вмешательство!

– Чьё вмешательство, интересно знать?

– На этот вопрос мы ответить пока не можем! Но мы работаем! Думаю, скоро всё выяснится.

– Ладно, доложите пока Совету, в чём суть этого вмешательства и каковы последствия.

– В ходе последнего Изменения в секторе 212 произошёл уникальный случай. Исполнитель-контролёр, отвечающий за ход Изменения, неожиданно решил подвергнуться Изменению сам. Причина – мгновенный всплеск эмоциональной привязанности к изменяемому объекту противоположного пола.

– Но этот случай вовсе не уникален! И он не так уж и редок. И ничего страшного в этом нет, такое происходило и раньше! Исполнители-контролёры могут себе иногда такое позволить. Он вернётся к своим обязанностям позже.

– Позвольте мне закончить. Дело в том, что это Изменение было очень важным. Его цель – предотвратить появление будущего тирана, который, прежде чем им станет, свергнет в пучину войн всё население всех двенадцати вселенных. А теперь программы по предсказанию показывают его появление и в новой реальности.

– Как такое может быть?

– Подождите, это ещё не всё. Он не просто должен появиться! Он появится в результате союза именно этого Исполнителя и его объекта привязанности!

– Что?! Вы уверены в этом?

– Именно так! И произойти это могло только в результате несанкционированного вмешательства.

Зал заполнился таким гулом, что докладчика никто не слышал. Минут через десять, когда шум смолк, спикер задал вопрос:

– Но мы ведь можем вернуться к старой реальности в этом случае?

– Нет, не можем. Они познакомились именно в старой реальности и перешли в новую. Они знакомы в обеих реальностях. Хуже того: Исполнитель помнит об обоих мирах. В общем, они ни в коем случае не должны были встретиться.

– Что вы предлагаете?

– Изменение. Ещё одно. Экстренное. И в новой реальности о своём прошлом Исполнитель не должен ничего помнить так же, как и все остальные её обитатели.

– Но Изменение запрещено проводить чаще, чем один раз в пятьдесят лет в одном и том же месте.

– Я знаю. Но здесь чрезвычайный случай. Для этого потребуется голосование Совета, но все его члены здесь. И могут не откладывать это действие.

– погодите! – спикер нахмурил лоб и, сделав небольшую паузу, продолжил, – Это что же, этот, как вы выразились, «мгновенный всплеск эмоциональной привязанности» тоже объясняется этим? Я имею в виду, несанкционированным вмешательством?

– На этот вопрос у нас тоже пока ответа нет. Вообще, это не обязательно, однако учитывая странность совпадений, исключать такой вариант нельзя. Мы разберёмся.

– Ну что же, коллеги, похоже, докладчик прав. Давайте подготовимся к голосованию прямо сейчас. Мы проголосуем, а вы, – обратился спикер к руководителю Службы безопасности, – немедленно отдайте распоряжение о полном расследовании этого несанкционированного вмешательства. Кто это, и что именно, чёрт возьми, замышляет?

Конрад проснулся от яркого луча солнца, упавшего ему на лицо. Луиза отдернула шторы, и весело обратилась к мужу:

– Вставай, лежебока! Смотри, какой сегодня замечательный день!

– Лиз, ну имей совесть, дай поспать, ещё такая рань!

– Вставай, говорю! Мне пора ехать, и приеду я только завтра. А ты обещал сегодня вывести детей в парк.

– Да, помню я, помню, езжай, всё будет сделано, – перевернулся Конрад на другой бок и накрыл голову подушкой.

– Я знаю! Ты у меня самый лучший на свете! Пока! До завтра! Не скучать без меня! – завершила она и выскочила из дома, слегка хлопнув дверью.

Конрад встал, прошёлся по комнате и пошёл на кухню готовить завтрак. Он был несказанно счастлив.

«Значит, всё удалось! Всё получилось! На ближайшие как минимум пятьдесят лет я – женатик, и моя супруга – самая красивая девушка в мире, а дети – самые очаровательные творения во всей вселенной! Какая замечательная штука – жизнь!»

Он подошёл к своей одежде и обнаружил отсутствие генератора энергетического барьера на поясе брюк. «Ну да. Так и положено по инструкции. Я должен сдать всё спецоборудование, временно переходя к обычной жизни».

После завтрака он подошёл к окну и отметил, что погода намечается не такой уж и ясной.

«Дело может кончиться даже дождём», – подумал Конрад, и его охватило лёгкое беспокойство, которое он тут же отогнал от себя. «Что за ерунда? Изменения чаще чем один раз в пятьдесят лет запрещены!» – подумал он, и успокоенный, радостно воскликнул, обращаясь к детям:

– А ну! Кто это вчера собирался в парк?

– Мы-ы-ы-ы! – ответил дружный радостный хор.

Платонов Владимир Евгеньевич

Отрывок из повести «Душа»

Сначала Он хотел поступить так же, как и большинство участников этой игры: взять тело новорождённого ребенка. Это было проще всего. У только что появившегося на свет тела младенца ещё нет хозяина, и занять его очень просто, но проходить через детство, как это делали все участники игры, с его нелепыми запретами «воимятогожеблага», «становиться образованным», чтобы получить «достойную» работу, чтобы прокормить свою семью и обеспечить себе достойную старость... Нет! Все эти земные глупости Его не вдохновляли. Он хотел включиться в игру сразу и, найдя в одной из клиник вполне здоровое тело, подключённое к системе жизнеобеспечения, решил им воспользоваться.

Старый хозяин тела после автокатастрофы покинул его ещё шесть лет назад и в данный момент уже собирался идти в школу совсем в другом городе, в другой стране и в другом теле, так что оно, собственно, никому и не принадлежало, хотя и было живым благодаря сентиментальным родственникам и крошечным единицам внимания прежнего владельца. «Так почему бы им не воспользоваться?» – решил Он, и поэтому над ухом молоденькой медсестры, как назойливый комар, пропищал сигнал тревоги...

– Вы меня слышите?

Человек, обратившийся к Нему, говорил на языке, которого Он не знал, но это не имело значения. Он понимал мысль и потому вполне мог общаться. Собственно, Он совершенно точно знал: так умеют все люди, но их большинство притворялось, будто это им не по силам, и притворялось так искусно, что мысленное общение было делом крайне редким на этой планете.

– Я знаю, вам трудно говорить, – продолжал обратившийся к нему человек в белом халате и в очках. – Поэтому я попрошу вас опустить веки один раз, если ответ на мой вопрос положительный, и два раза – если ответ отрицательный. Вы меня понимаете?

Он понимал. Он посмотрел внимательно на своё тело, без труда нашел контролирующие центры, управляющие речью, и уже хотел было ответить «Да», но сразу же понял, что такое действие шокирует вопрошающего, и решил пока не испытывать на прочность сознание окружающих. Он опустил веки один раз.

– Хорошо! Вы понимаете, где вы?

Он снова опустил веки один раз.

– Очень хорошо! Вы помните, как вас зовут?

Он этого не помнил, да и не мог помнить, поскольку этот вопрос касался идентификации прежнего владельца тела, но для Него не составило никакого труда мгновенно всё выяснить, и Он опустил веки один раз.

– Очень хорошо! На сегодня достаточно! Отдыхайте и приходите в себя! Завтра мы продолжим. Хорошо?

Он снова опустил веки один раз, и мужчина вышел из бокса.

«Приходите в себя – какое интересное выражение!» – появилась у Него мысль. Он знал значение этого выражения, но обратил внимание на то, что на этой планете в буквальном смысле его никто не воспринимал, хотя именно такое понимание этой идиомы было бы самым правильным.

В палате больше никого не было, и Он захотел осмотреться. Для начала Он решил лучше изучить своё тело. Внимательно осмотрев его, Он увидел плотную чёрную массу, покрывавшую многие внутренние органы, почти все суставы и голову. Эта чернота не была видна обычному человеческому глазу, но Он воспринимал окружающий мир напрямую, не пользуясь глазами, и потому видел её. Направив на черноту пристальное внимание, Он увидел, как та стала исчезать, и одновременно с этим тело испытало огромное облегчение.

Чернота указывала на повреждённый и нуждающийся в помощи орган, и теперь это было исправлено. Удовлетворившись результатом, Он решил пока оставить тело до полного восстановления и осмотреть место, в котором Он сейчас находился.

Палата была напичкана приборами. Он посмотрел на них сверху, снизу, со всех сторон, заглянул внутрь и понял, для чего нужен каждый. Некоторые из них измеряли пульс, некоторые – кровяное давление, другие – температуру, прочие – всевозможные показатели, которые ещё можно было снять с тела. Ещё одна группа приборов передавала информацию по кабелям какому-то устройству, а то, в свою очередь, передавало данные ещё дальше, за пределы палаты. Он смотрел на всё это и неожиданно совершил маленькое открытие: все эти приборы фиксировали наличие или отсутствие жизни в теле, а также её характеристики, но ни один из них не делал этого напрямую.

Иными словами, ни один из этих приборов не мог обнаружить Его присутствие, хотя именно Он делал это тело живым, и именно Его внимание, так же, как и незначительное внимание старого хозяина, позволяло отключить тело от приборов жизнеобеспечения без опасения, что оно тут же отдаст концы. Но обнаружить Его ни один «умный» прибор не мог.

Отметив этот небольшой нюанс, Он потерял интерес к палате и, решив расширить границы исследований, выглянул за закрытую дверь. Здесь было гораздо интереснее. Интереснее, потому что здесь Он обнаружил жизнь, и эта жизнь, в точном соответствии с недавно узнанной Им целью, двигалась в направлении невыживания.

– И что ты мне хочешь сказать? Я, по-твоему, должна после дежурства переться на метро домой, да ещё и готовить тебе ужин? И всё потому, что ты «просто обязан» тащиться в свой загородный клуб? А других предложений на сегодняшний вечер у тебя нет?

– Знаешь что? Во-первых, прекрати на меня орать! А во-вторых, тебе отлично известно, что сегодня четверг, а по четвергам я езжу в свой клуб, и это важно для меня! Так что заткнись, бери свою задницу в руки и тащи её на метро! Вот такое у меня к тебе предложение!

– Хочешь, я скажу тебе, что ты можешь сделать со своим предложением?..

Ничего нового в том, что Он сейчас наблюдал, для Него не было. Он посмотрел внимательнее на спорящих мужчину и женщину и отметил большое скопление теней вокруг их голов. Эти тени нельзя было увидеть простым глазом, но Его глаза сейчас находились в боксе и отдыхали вместе с телом, поэтому Он ими не пользовался.

Тут надо отметить, что эти тени находились повсюду, и все они принадлежали какому-либо человеку. Бывало, тени отставали от человека, и тогда он чувствовал себя весьма неплохо, был весел и счастлив. Но потом что-то происходило, тень нагоняла своего хозяина, и тогда он становился либо раздражительным, либо злым, либо очень грустным и иногда даже заболел. Но ни один человек на этой планете не замечал теней, неотступно следующих за ним.

Парочка, которая сейчас препиралась в коридоре, была окружена тенями очень плотно, и по своему опыту Он знал: фаза конфликта сейчас перейдёт в худшую стадию, возможно, даже к действиям. По этой причине Он стал внимательно смотреть на тени, те начали рассеиваться, и это тут же изменило весь характер «милой» беседы.

– Ну ладно, послушай, я, может, и вправду погорячился. Ну, прости меня! Я понимаю, ты сегодня устала, так что, я, пожалуй, пропущу сегодняшнюю встречу. Не так уж она и важна, в конце концов. Лицо девушки изменилось, она некоторое время постояла в раздумье, а затем сказала:

– Ладно, езжай! Я доеду на такси. Я помню: мы перед свадьбой договаривались о том, что вечера по четвергам твои. Езжай.

– Нет-нет! Я не поеду. Знаешь, там вообще-то не так уж и интересно! Поехали лучше поужинаем где-нибудь вместе!

– Правда? Ты точно этого хочешь?

– Ну конечно! Давай, доделывай свои дела и спускайся вниз! Я жду в машине.

Лицо девушки расплылось в очаровательной улыбке, сделавшей её совсем юной, она быстро чмокнула мужчину и со словами «я быстро!» исчезла за одной из дверей.

«Теперь всё в порядке», – подумал Он и продолжил исследования. Он осмотрел все коридоры, заглянул во все палаты, выяснил назначение и принцип работы нескольких приборов. Он заглянул на кухню, где готовилась еда для персонала и для пациентов, и познакомился там с безраздельным, как он считал сам, хозяином этого кусочка клиники по кличке Полиграфыч.

Знакомство оказалось любопытным. Владелец роскошной голубой шерсти, в отличие от людей, осознавал Его присутствие и даже видел Его, хоть и смутно. Расчёсанный и ухоженный, явно окружённый заботой персонала, важный персидский котяра назвал Ему своё имя, которое ему совсем не нравилось, поскольку было вовсе не кошачьим, и рассказал о своих проблемах. Оказалось, что кот – большой специалист по залезанию на кухонные столы в поисках фарша для котлет; и если во все остальные места клиники, кроме операционных и лабораторий, доступ ему был разрешён, то по непонятной для кота причине персонал неизменно прогонял Полиграфыча, заставляя его за поисками. Это казалось несправедливым всеобщему любимцу, но он великодушно прощал всех тех, кто нанёс ему обиду, поскольку осознавал всю свою важность и ответственность за жизнь окружающих его.

Он дал коту несколько советов, парочку из которых кот принял, и решил вернуться в своё новое тело, поскольку почувствовал, что в его палате появился новый посетитель, желающий с Ним поговорить.

Посетителем оказалась уже не очень молодая, но ещё очень даже красивая женщина. Она мягко положила свою руку Ему на руку, и позвала Его, обращаясь к Нему по имени. Он не спешил отвечать. Он чувствовал, что она не готова начать общение. Она знала о том, что период комы завершился, она давно ждала этого и уже почти перестала надеяться, что это когда-нибудь произойдёт, но Он понимал: она ждала возвращения предыдущего хозяина тела, а это в данный момент было почти невозможно.

На самом деле Его способности были столь велики, что Он мог вернуть прежнего владельца в его старое тело, но, посмотрев на его новую жизнь, на его новое окружение и род занятий, Он пришёл к выводу, что предыдущий участник драматичных событий, столь плачевно для него закончившихся, возвращаться назад не желает. Тот, кого сейчас ждал посетитель, в данный момент уже почти забыл, кем он был всего каких-то шесть лет назад: у него были новые родители, новые друзья, новые интересы и уже успела появиться первая любовь. Шестилетний малыш, который сейчас готовился идти в школу, был счастлив в своём новом окружении; и лишь нечастые ночные кошмары, в реальность которых он и сам не хотел верить, напоминали ему о событиях, произошедших с ним шесть лет назад на другой стороне планеты. Однако женщина-посетитель ничего этого не знала.

Она ничего не знала, но не это было главной проблемой. Главной проблемой был тот факт, что ни один человек на Земле, за очень, очень редким исключением, не мог себе представить возможности взятия нового тела в случае потери старого. И, несмотря на то, что все без исключения именно так и делали, после того, как каждый из них обзаводился новым «имуществом», они невероятно быстро забывали этот факт. По этой причине попытка рассказать правду посетителю, обрисовав подлинную картину, была заранее обречена на провал.

Решив не подвергать женщину столь тяжёлому испытанию, Он сделал вид, будто не может говорить. Однако Он не хотел, чтобы та ушла расстроенной, поэтому Он направил значительную часть Своего внимания на неё и стал думать о ней в очень тёплых и высоких тонах.

Женщина-посетитель через короткое мгновение почувствовала необычайный прилив сил и полное умиротворение. У неё исчезло всякое беспокойство и появилась твёрдая уверенность в том, что всё будет хорошо. Она не знала, откуда была такая уверенность, но это её и не интересовало.

Она слегка сжала Его ладонь, которую продолжала держать в своей руке и со словами: «До свиданья, дорогой! Приходи в себя! Я уверена – теперь всё будет хорошо!» – поднялась и направилась к выходу, а между тем...

Платонов Владимир Евгеньевич

Отрывок из повести «Душа»

Спустя неделю после описываемых событий, президент холдинга «Агропромбизнес» Николай Валерьевич Крутов сидел за своим рабочим столом, крепко обхватив голову руками. Он был в шоке. Почти в ужасе. У него на столе лежало несколько документов, а на мониторе компьютера была открыта одна из страниц очень большого отчёта, подготовленного для него новым начальником его службы безопасности. Состояние Николая Валерьевича объяснялось изучением предоставленных ему материалов, из которых он понял, что прикоснулся к одной из таких тайн, носители которых редко умирают собственной смертью. Но не это так испугало бизнесмена...

После ухода не совсем понятного для Николая Валерьевича посетителя, глава холдинга, к его чести, достаточно быстро вышел из замешательства и взял себя в руки. Он отбросил в сторону все необъяснимые явления, которые он увидел, и обратил внимание на один весьма рациональный момент. А именно – совет гостя выяснить, зачем заказчику понадобился искомый документ и, следуя совету, Николай Валерьевич отдал необходимые распоряжения. На сбор и обработку данных должно было уйти около месяца, но уже первый поток информации оказался настолько важным, что новый начальник службы безопасности счёл необходимым немедленно доложить о нём своему шефу.

Собственно, самим документом была обычная старая тетрадь одного из многочисленных советских ученых, уже давно завершивших своё бременное существование в одном из подразделений знаменитого ГУЛАГа. Этот учёный каким-то непостижимым образом сумел передать кое-что из своих записей своему другу на воле, внуком которого и был тот несчастный, шесть лет назад оказавшийся в состоянии комы от «непринуждённых бесед» с заплечных дел мастерами. Где находится тетрадь, выяснить пока не удалось, но в ходе поисков стало ясно, над чем конкретно работал учёный и что могло быть в той тетради. Эта информация и привела Николая Валерьевича в паническое состояние.

С самых незапамятных времён человечество интересовал вопрос – как быстрее и эффективнее уничтожить ближнего своего. По истории создания и совершенствования средств для воплощения этой идеи можно проследить весь путь развития человечества. Оружие всегда принимало самое непосредственное участие в поворотных моментах истории, а в XX веке и вовсе предопределило ход научно-технического прогресса. Методы уничтожения собратьев достигли такой эффективности, что сам человеческий род оказался на грани исчезновения, но даже эта угроза не остановила некоторые безумные умы на планете. Почти любое научное открытие пропускалось через призму пригодности открытого явления для создания оружия. Именно в этой области и работал старый учёный.

Ещё со времен работы супругов Кюри известно о таком превращении материи, как «аннигиляция», но до сих пор перед его использованием на практике стоит две пока неразрешимых проблемы: почти невозможно и невероятно дорого создать достаточное количество антивещества, почти невозможно и невероятно дорого измеримо долго хранить антивещество. Однако если эти проблемы удалось бы преодолеть, то контакт одного килограмма антиматерии с материей, привёл бы к выделению энергии, почти равной по силе той «Кузькиной матери», испытанной на Новой земле при Хрущёве, мощность которой равнялась взрыву 58 мегатонн тротила. Это при том, что вес той бомбы составлял двадцать семь тонн, и для её доставки к месту испытаний потребовалось весьма опасным образом переоборудовать самолет.

Именно об этом явлении и делал записи тот учёный. Собственно, трудился он ещё в тридцатые годы прошлого столетия совсем над другой проблемой в одной из предоставленных ему лабораторий, а явление аннигиляции поначалу не было оценено должным образом его начальством, поэтому он записывал свои измышления в тетрадь в частном порядке, проводя лишь

редкие, нерегулярные эксперименты. Далее, как удалось выяснить, учёный осознал, какие бедствия может принести человечеству использование этого открытия, но, к его несчастью, в этом разобралось и его руководство. Он прекратил все работы, его попытались заставить, но, поскольку возраста он был уже весьма преклонного, его организм не выдержал пыток, и работы были прекращены, собственно, даже и не начавшись. Потом война отодвинула в сторону все проблемы, не дававшие немедленного результата, и об этих исследованиях забыли. Вспомнили о них значительно позже, уже после того, как стало ясно, что, имея самую мощную в мире атомную бомбу, Советский Союз почти ничем не мог угрожать Америке, поскольку не имел возможности доставить эту бомбу на территорию бывшего союзника. Начались работы по восстановлению и систематизации материалов, над которыми работал покойный ученый, и в ходе них стало ясно, что самая важная часть записей пропала. Поиск застопорился и принял вялотекущий характер. С годами Советскому Союзу удалось – таки добиться ядерного паритета с Америкой, но экономика СССР в ходе этой гонки подломилась настолько, что руководство страны погрузилось в более серьёзные проблемы, и поиск прекратился.

Нельзя сказать, что все исследования в этой области ограничивались розыском потерянных материалов. Нет, совсем нет. Но все разработки говорили о том, что указанные проблемы на данном этапе развития науки и техники являются неразрешимыми, и это подтверждалось разведывательными данными: учёные за рубежом тоже пока не знали, как преодолеть два основных барьера. Поэтому в то, что в исчезнувших материалах могли быть ценные данные, верилось всё меньше и меньше.

Изучив отчёт, Николай Валерьевич понял главный момент: если его поиски увенчаются успехом и в тетради и вправду окажется то, на что надеялся заказчик, то он, во-первых, сразу станет лишним носителем тайны невероятной глубины и будет ликвидирован, во-вторых, станет причастным к созданию оружия, способного в одно мгновение уничтожить всю планету. А этого, несмотря на своё преступное прошлое, он не желал. Вслед за этим осознанием у него тут же появился вопрос: каким образом заказ столь невероятной степени важности мог попасть к нему – бывшему, хоть и не совсем рядовому, бандиту, но всё же человеку, достаточно далёкому от политических интриг? Тут-то и выплыла на сцену личность его бывшего начальника службы безопасности, поскольку именно через него нынешний президент холдинга получил заказ. Оказалось, что в советское время, когда «Большой брат» находился в расцвете сил, правая рука Николая Валерьевича был весьма высокопоставленным офицером этой структуры и занимался именно этим вопросом – поиском утраченных материалов. Потом, после перестройки и конца коммунистического режима, он, как и многие его сослуживцы, ушёл в коммерцию, но о своей работе не забыл, и, когда подвернулась возможность на этом хорошо зарабатывать, подбросил идею одному своему бывшему коллеге, удачно пролезшему в структуры власти. Этим бывшим коллегой и был тот чиновник, столь любезно предложивший Николаю Валерьевичу «обеспечить себе достойную старость».

Осмыслив как следует полученную информацию и слегка оправившись от шока, бизнесмен начал обдумывать, как выпутаться из той ситуации, в которую он попал. Собственно, ни о каких поисках тетради речь больше не шла. Была ли в ней нужная заинтересованным структурам информация или нет – значения не имело. Мелькнувшая было мысль о подделке документа тут же была отброшена: на том уровне, куда не совсем по своей воле попал Николай Валерьевич, подделку обязательно обнаружили бы, и тогда его ждала бы не просто смерть, а смерть после дознания и пыток.

«Что же делать? – думал Николай Валерьевич. – Сбежать? Нет! Во-первых, найдут. А во-вторых, я дам им понять, что кое-что разнюхал и тогда – всё! Надо убедить заказчика, что тетрадь найти нельзя, но как это сделать? Лучше всего было бы ликвидировать обладателя тетради, но ликвидировать чисто, чтобы ни у кого не возникло подозрений ни об убийстве, ни о самоубийстве. Хм!.. М-да... легко сказать! А как это сделать? Вон он чего натворил-то!

С такими способностями никто даже подойти к нему не сможет... Что же делать? Но ведь он сам дал мне подсказку. А что он ещё сказал тогда? Вот что! Что зайдёт ко мне, когда я всё выясню! Чего ж не заходит? Впрочем, я ведь, наверное, и сам могу зайти к нему в клинику, если у меня не будет злого умысла? Точно! Надо так и сделать, причём прямо сейчас!»

Платонов Владимир Евгеньевич

Стихи

Нежность

Белое

Белое стелется мелом ночных дорог,
Ветер роняет росы в живой огонь,
Осень прощает слёзы земных тревог
Всем одиноким, согревшим её ладонь.
Утро проснётся чайкой в твоих глазах,
Смело расправит крылья, и взмах ресниц
Первым вернётся в небо, стирая страх,
С памяти белым снегом пустых страниц.
С радостью прежних вёсен и нежных снов
Радугой счастье светится над людьми,
Осень сорвёт колосья ненужных слов
И звездопадом ляжет у ног любви.
Ветер роняет росы в живой огонь,
В них расплетутся травы, и шум листвы
К сердцу прижмёт, как прежде, мою ладонь,
Белое станет мелом в плену весны.

Игорь Бушув

Вчера за окошком вальсировал снег...

Вчера за окошком вальсировал снег
Под музыку из антикварной шкатулки.
Он падал, касаясь сомкнувшихся век,
И тихо ложился в пустом переулке.
Казалось, зима не имеет конца,
Как наша с тобой непростая дорога.
Я помню, как робко стучали сердца,
Согретые верой друг в друга и в Бога.
И как осторожно ступала весна,
Струясь по лугам золотой акварелью.
А мы, проводящие ночи без сна,
Смотрели на город, расшитый синелью
Янтарных лучей первозданной зари.
Восход неизменно сменялся закатом,
Пустынный квартал зажигал фонари,
А ливни, стекая по шиферным скатам,
Дробились о землю кристаллами льда.
И всё продолжалось по вечному кругу.
Толпился народ, и росли города,
Но мы безуданно тянулись друг к другу,
Смирненно встречая земные шторма,
Сквозящие в неисчислимые щели.
Тихонько качаясь на склоне холма,
О чём-то молчали мохнатые ели.
И даже высоким домам вопреки
Маячили их голубые макушки.
Над пенными волнами шумной реки
Чирикали ласточки-береговушки.
Я буду скучать по печальной земле,
По солнечным бликам в туманном эфире.
Оставленный след растворится во мгле,
Куда направляется всё в этом мире.
При тусклом светильнике с краю стола
Узорные рифмы цветут в альманахе,
Вместившем церковные колокола,
И горькие мысли, и грёзы, и страхи.
Теперь же они далеко позади.
Взгляни на когда-то родную планету.
Не думай о прошлом, а просто веди
Меня за собой к бесконечному свету.

Родионова Юлия

Сегидилья

Она едва земли коснулась...
Вся в музыку погружена...
Как бы во сне, слегка прогнулась,
Ревнивца жалом сражена.
Затрепетали руки-крылья,
Прервав задуманный полёт...
Под звуки страстной сегидильи
Она в бессмертие войдёт!
Звучат испанские слова,
Но перевод сейчас не нужен.
И в танце девушка права —
Он гимном для любви послужит!

Лариса Смагина

Мужчина Ангел

Сильный мужчина, смелый и гордый,
Совсем незнакомый, далёкий, свободный,
Немного уставший, совсем не простой,
Живёт в одиночестве Ангел земной...

У Бога прошу его, глядя на свечи,
Верю, надеюсь и жду нашей встречи,
Он умный и добрый, ласковый, нежный,
Горит уголёк в его сердце надеждой...

Взгляд ясных глаз ярко искрится,
И на висках седина серебрится,
Бархатный голос, крепкие плечи,
И говорит он милые речи...

Конечно, он будет самым красивым,
Всё потому, что будет любимым,
Ему не захочется даже обидеть,
Он хрупкую душу сможет увидеть...

Вы хором воскликните: «Нету такого!»
А я вам скажу: – Мне не нужно другого,
Он Ангелом будет, но только моим,
Обычным мужчиной, и очень земным!

Верным, заботливым, честным, желанным,
И в жизни моей таким долгожданным!
Но он где-то бродит, совсем одинокий,
Сильный мужчина и очень далёкий...

Надежда Оболенская (Надиша Уфа)

Летний ветер

Я больше не...

Я больше не подмастерье
У видных персон в долгу,
Не служка, не винт в системе,
Кричащий себе «зер гут».

Я больше не подмастерье,
Не тот, чей девиз «Allez!»,
Не дёрганный неврастеник,
Сидящий в своём шале,

Я – дивная часть мистерий,
Заваренных манных каш.
Но всё-таки я не с теми,
Кто в слове убил кураж.

Я больше не подмастерье,
Я сам – дежавю-атлет!
Батут цирковой подстелен
Летящим на свист «Allez!»...

Вокруг возникают степи,
Я слышим на сотни миль.
Я видим, но я не с теми,
Кто ставит в чаду мистерий
Мне, бывшему подмастерью,
На славу и честь лимит.

Но я не повесил клюва,
Скачу напролом в пролом Б
ойцовского псевдоклуба
Походкой нежизнелюба,
Завидный талант проклюнув,
Здоровый нахмурил лоб.

И самый чумной оракул
Меня не своротит вбок.
Я буду простым отаку,
Ведущим с собой в атаку
На ваш скоростной лубок
Поэзии мирный блок.

Гусева Милена

О чём душа поёт

Безумный ритм: карьера, дом, заботы.
За годом год так жизнь твоя идёт.
На миг остановись и вспомни – кто ты,
Прислушайся, о чём душа поёт.
И пусть слова её совсем банальны,
И незатейливый мотив простой.
Она напомнит юности желанья,
Что ты просил у рыбки золотой.

Оксана Довгучец

Ночь на вокзале

Ночь. Луна – это глаз пропойцы,
Пятирублёвой монетой выпученный.
Всё меняет свои пропорции,
Мечется ветер, как с клетки выпущенный.
Снова, как в детстве, важнее души обложка:
Будто карга, сутулится
Проблема проблем – одиночество.
И приходит на ум из Хагивары про синюю кошку,
Из Тюи про пуговицу,
Из Дадзая про общество.
Сколько об эту пору колдуньями
Наведено проклятий и порч?
Сколько на свете стихов надуманных
Начинается со слова «ночь»?
Зрачки выжигают костры семафоров:
Я не хочу быть большим и знатным!
Я всего лишь хочу быть кисетом махорки
Солдата с гранатой в окопах затхлых.
Я всего лишь кустарный несчастный поэт,
Что не может заклеить свой рот на скотч,
Что пёрышка весом продавливает паркет
Не стоящего реплики слова «ночь».
Я почти обречённый забытым быть,
Слегка косивший под Маяковского,
Я – носитель побоев бейсбольных бит,
Неизменный любитель всего японского.
Мой стих – не за что помнить и уважать бы,
Если бы не одно вопиющее «но»:
Я в мир сумасшедших опытный провожатый,
Не раз выносивший свой мусор в окно.
Зал ожидания подливкой мясной занят,
Провинциальной эстетики целый двор.
Чем больше часов проводится на вокзале —
Тем больше досада, запал, задор.
Чем больше ты смотришь в толпы творожную массу,
Тем больше берёт какой-то раскисший тошняка.
Секунды, минуты в огонь добавляют масла:
Чуть-чуть посидеть бы – и в обморок точно – шмяк!
...Если забыть о том, от чего тревожно,
И не глядеть на улицу,
И если забыть, какая судьба мне прочится,
То приходит на ум из Хагивары про синюю кошку,
Из Тюи про пуговицу,
Да из Дадзая про счастье и общество.

Гусева Милена

Вблизи заброшенного замка

Вблизи заброшенного замка деревья, камни, да овраги.
Возможно, это лихорадка, возможно, путы летаргии.
Как будто мир добра и счастья исчез в сгущающемся
мраке,
Забрав с собой мою надежду на воплощения благие.
Минуя сумрачный пустырь, возникший вместо старой
пашни,
Я ощущаю неизбежность и аромат душистой хвои.
Передо мною вырастают полуразрушенные башни.
Как привлекает этот омут, в котором живо неживое.
И проявляется терраса с викторианской балюстрадой.
А задымлённый полумесяц роняет свет на монументы
И повреждённые скульптуры за металлической оградой.
Повиновавшись странной тяге, я захожу в апартаменты.
На стенах стёршиеся фрески: лесные эльфы и русалки.
Фонарь отбрасывает в залу едва заметное мерцанье.
Резная скатерть паутины свисает с каждой ветхой балки.
Я слышу голос ниоткуда, из головы, из подсознания.
Испуг смешался с любопытством и ощущением покоя.
Возможно, мнительность, возможно, обычный признак
пароксизма.
Но кто-то трепетно коснулся плеча прозрачною рукою.
И сердце словно воспарило на чёрных крыльях
драматизма,
На белых крыльях Мельпомены, дающей творческую
силу.
Донёсся звук виолончели и надрывающейся скрипки.
Я различаю чёткий образ, чья кожа цветом, как белила,
Чей взгляд приветливо печален, а губы замерли в
улыбке.
Мы кружим в тихом менюэте под потолочным
барельефом.
Вокруг танцующие пары в одеждах времени барокко.
Их грациозные манеры подобны нимфам или эльфам,
Изображённым на обоях когда-то мрачного чертога.
Похоже, путы летаргии почти утратили весомость.
Так хорошо и вдохновенно ещё ни разу не бывало.
Но с первым заревом рассвета всё растворилось, канув в
пропасть.
Едва ли кто-нибудь поверит в реальность призрачного
бала.
Едва ли кто-нибудь увидит красу заброшенного сада,
Его высокие беседки, совсем рассыпанные ныне.
Нетленны разве что ворота, да часть старинного фасада.
И я плутаю у развалин, как будто около святыни.

Среди колонн, держащих небо, и беломраморных
фонтанов
Росли кустарники жасмина, алела жимолость в куртинах
И птицы пели на зелёных ветвях раскидистых каштанов,
А сердце словно воскресало, забыв о прожитых
кручинах,
Забыв о горестных недугах, рождённых чуждостью
культуры.
Ах, как же хочется вернуться в чудесный мир своей
эпохи.
Среди разросшейся крапивы стоят разбитые скульптуры,
Сквозь щели стен весенний ветер роняет редкостные
вздохи.
Камин, оставшийся роскошным, почти исчез под слоем
сажи.
Среди безликого разгрома ещё заметна позолота.
А по сырому бездорожью давно не ездят экипажи.
Бассейн, где плавали кувшинки, похож на вязкое болото.
Крыльцо покрыто ковролином плюща, обвившегося
всюду.
Но лишь теперь, осознавая, что я хочу без промедлений
Бежать от собственных иллюзий по неизвестному
маршруту,
Я не могу покинуть склепа давно минувших поколений.

Родионова Юлия

Человек человеку – дом...

Человек человеку – дом,
Самый нужный, уютный самый.
С пирогами и молоком,
И цветами в оконной раме,
С разговорами до утра,
С откровениями и признаниями,
Где совместная есть мечта
И забота, и понимание.

Человек человеку – свет:
Приглушённый и яркий-яркий,
На вопросы на все ответ
И разгадка на все загадки.
Тёплый свитер в прохладный день,
От тоски – свежий ветер с моря
И от жаркого солнца тень,
И поддержка в беде и горе.

Человек человеку – мир:
Бесконечный и необъятный,
Тёмной ночью – ориентир,
Собеседник вполне приятный;
Шоколад и бокал с вином,
И подарок судьбою свыше.
Человек человеку – дом,
Мир и свет, и всё то, чем дышим.

Светлана Чеколаева

А может быть, я из другого века?..

А может быть, я из другого века,
Где люди верят в силу доброты,
И где душа, и сердце Человека,
И помыслы его всегда чисты?

Возможно, я оттуда, где нет боли,
Где понимают смысл слова «честь»,
Где не играют никакие роли,
И принимают всех, какими есть.

Быть может, я совсем с другой планеты,
Где небо голубое, нет войны,
Где души ценят больше, чем монеты,
И людям снятся лишь цветные сны;

Где у детей всегда есть папа с мамой,
И тёплый дом, и дружная семья,
Нет слёз и лжи, измены и обмана,
Не предадут родные и друзья...

...Мне этот мир безумный не понятен,
Кругом борьба, куда ни посмотри.
Пусть говорят: на солнце много пятен,
Но пятна эти сверху, не внутри.

Очистить свою душу очень просто,
И каждый смог бы, если б захотел.
Взять измениться никогда не поздно,
И наверстать всё то, что не успел!

Я так хочу, чтоб жизнь была светлее,
Сияли счастьем сердце и глаза,
И люди стали чуточку добрее
И научились верить в чудеса!

Светлана Чеколаева

Слёзы – смертельный яд...

Слёзы – смертельный яд,
Едкий, как первый дым.
Твой город тебе не рад.
Стал близкий друг чужим.

Всё понимай, как есть.
Впитывай и вдыхай.
Даже дурную весть
С радостью принимай.

Жить из последних сил
И на глазах у всех.
Те, кто тебя любил,
Били сильнее всех.

Меньшая из проблем —
Встать и пойти вперёд.
И не вернуться к тем,
Кто тебя больше не ждёт.

Слёзы – смертельный яд,
Слабость больной души.
Твой город тебе не рад.
Другу ты стал чужим...

Евгения Синица

Словом сильным и словом твёрдым...

Словом сильным и словом твёрдым
Ковыряй глубину души.
В ней все клавиши в ноль истёрты.
Верь, живи, умирай, греши.

В ней все тайны давно изведаны
И застираны, как бельё.
Словом ласковым да приветливым
Пожалей и спаси её.

Словом честным и словом праведным
Доберись до мозга костей.
Расскажи, если сможешь, правильно,
А не можешь – тогда не смей.

Отчего люди стали алчные,
Изменяют самим себе.
Если знаешь, то не умалчивай.
Расскажи о нашей судьбе.

Я старалась, клялась, ругалась.
И я думала, знаю суть.
Оказалось, что ошибалась.
Расскажи мне о нас, чуть-чуть.

Почему все вокруг безумные,
Недовольные и скупые.
Недалёкие, неразумные
И душою своей нагие.

Словом твёрдым и словом сильным
Все сомнения сокруши.
Если есть, что сказать – насилуй
Дно своей и моей души.

Наталья Королёва

Внутренний огонь

Звенит, шуршит... Забыта тишина.
Взлететь смогла б, но тянет вновь ко дну
Неспетых слов мятежная волна,
И я тону. Я верю, но тону.

Как ни старайся, крыльям не взлететь,
Не петь губам под слоем снов, воды.
Лишь слово греет: сохраняет честь,
Хоть и сидит, закрытое, внутри.

Но будет час, минута или век,
Когда невыносимым станет жар.
Вскипит вода, растает сон и снег.
Тогда и улетают в небеса.

Неясных мыслей в голове трезвон
Уляжется вдруг в чёткие штрихи.
Бежишь от слов... Но вечен их огонь,
И вместе с ним внутри горят стихи.

Анастасия Зарецкая

Малая Родина

Солнце в зените, синь бесконечна...
Малая Родина в сердце навечно!

Снятся ночами леса белоствольные,
Степи ковыльные – дикие, вольные,
Горы седые, цветами одетые
Или морские прибои заветные!

Вот бы упасть в твои травы дурманные,
Счастье поймать мне с пушинкой обманное
И надыхаться, наполниться силою,
Силой могучею, непобедимую!

Хмелем цветастого жаркого лета,
Дивной красою, что осень одета,
Скрипом и хрустом крещенских морозов
И удивительным цветом мимозы!

Малая Родина, мать Россия —
В этом твоя бесконечная сила!
Степи и горы, леса наши, реки —
Малая Родина в сердце навеки!!!

Громогласов Александр

На руинах рая

Ничего не растёт, не привиться растениям здесь, —
Благоденствия земли утратили скрытые токи.
Фарисейство, гордыня, тщеславие, похоть и спесь —
На руинах прекрасного града гнездятся пороки!

Не поют соловьи, не разносятся трели цикад.
Никакого зверья среди россыпи камня не видно.
Уничтоженный град невозможно отстроить назад.
Средоточие веры – он вычурным был и завидным!

Недалёкие предки, чьи души погрязли во тьме,
Не прияли сакрального дара Господня. Решили,
Что не должен быть град Поднебесный на грешной
земле,
И взорвали обители света, сады осквернили...

А теперь их потомки живут, не имея надежд;
Не приемля добра, опасаются смелых мечтаний.
Гордецов деревеньки сменяют посёлки невежд.
Единицы избрали дорогу бесцельных скитаний.

Из последних и мы, и под небом открытым живём.
Не по нраву уютиться в корявых лачугах-сараях.
Ночь застала в пути, и сегодня с тобою вдвоём
Мы дождёмся утра на руинах погибшего рая..

Павел Новичков

На распутье

Ночь ворожит, огонь бросает искры,
И звёзды градом катятся с небес.
Над горизонтом кружевом повисли
Верхушки гор, объявших тёмный лес.
Трещат сверчки, и слышно совок гомон
Да над рекою трели соловья.
И словно в паутины сна закован
Волшебный мир, рождённый для меня.
А завтра Солнце озарит дорогу,
Там сто путей – ты выберешь один.
И гонишь прочь примкнувшую тревогу,
Судьбы своей нелепый господин.

Ольга Шальнева

Путь...

Пусть время будет чувствовать движение
И помогать в пространстве протекать.
В единых нитях тонкого сплетения
Дороги и пути все открывать!

Сны в отражениях соединятся,
Реальности нетленные творя.
В земных простых желаньях воплотятся,
Мечты, произрастая из тебя...

Парит душа, скользя в лучах,
Ярилы свет в себя вбирая.
В сознании рождает, выжигая страх,
Познания путь... Явь выправляя!

За славу дней живых богов
Сыны и внуки отвечают!
Неся в себе память родОв,
Суд совести превыше всех законов привечая!
Сиротеет земля!

Александр Снежник

Любимый город

Извилистые улочки,
Райончики, кварталчики.
Косые переулочки,
Дома, полуподвальчики.

Средь них высотки новые
И дворики просторные.
Хранящие истории
Старинные знакомые!

Зелёные аллеечки
Вдоль линии дорог.
Цветущие газончики,
Уютный уголок.

Любимый город,
Милый дом.
Таким вот в сердце
Сохраню тебя своём!

И где бы ни был,
Буду помнить я!
Край моей юности шальной,
Души родные берега!

Александр Снежник.

На зеленой полянке...

Лиственницы иглы распушили

Вышился по лиственницам гладью
Нежной зелени пушистый шёлк,
И стоит, как будто на параде,
Экологии десантный полк.

Тесно слита бравая куртина
В красочно очерченном строю...
Поражённый сказочной картиной,
Тихий шорох их ветвей ловлю.

Золушками серыми стояли,
Серых мыслей скуку наводя,
А пришла весна – и заиграли
Брызгами зелёного огня.

Здравствуйте, красавицы лесные!
Ваша радость – радость и моя,
Вместе мы живём в своей России,
Красоту её в себе храня.

Неприметны... Будто бы безлики,
Если тяжек груз земных забот...
А пахнёт теплом – и вновь великой
Красоты... Природа... И народ!

Лиственницы иглы распушили
Мягкие... И нежные, как шёлк...
И о зимнем двоцветьи все забыли...
До чего ж нам летом – хорошо!

Владислав Васенёв

Голоса весны

Затемнели на бугристых склонах
Пятачки протаявшей земли...
Первозданным колокольным звоном
Возвращенье славят журавли...

Вроде б так недавно звон капли
Робко говорил: – Вес-на и-дёт...
А сегодня!.. Ручейки запели,
На речушках выгнул спину лёд...

Лишь вчера, к родным вернувшись гнёздам,
Разгалделись важные грачи,
И взбодрили утренник морозный
Страстным бормотаньем косачи,

А сегодня... В каждом перелеске
Нескончаем птичий перезвон,
И каскады солнечного блеска
Сыплются в глаза со всех сторон.

Глядь, уже гортанным трубным кликом
Лебедь огласил немую высь,
Вслед за ним гусей ворчливых крики
По полям окрестным разнеслись.

Поражая опереньем ярким,
С звонким шумом стайка крохалей
Пронеслась, забывши о порядке,
Над простором Родины своей,

А из волн туманного полива
Крик любви шлёт кряква на простор,
И спешит к ней с страстью торопливой
Бравым франтом бойкий ухажёр...

Нет! Весну словами не опишешь!
Лишь душой дано нам понимать,
Как залился жаворонок в выси,
То, как журавли пошли плясать,

Как, прохоркав, вальдшнеп вдруг протянет,
Проиграв весне победный туш,
Как глухарь неповторимой песней грянет,
Потревожив та'ежную глушь...

Как в тиши, на час вздремнувшей ночи,
Бродит по стволам весенний сок,
Как со звоном лопаются почки,
Выпуская крохотный листок,

Как... И этих «как?» не счесть, пожалуй.
Главное! – Ведь, если захотеть,
Можно самому с пернатой птичьей стаей
К облакам на крыльях полететь...

Ведь весна – не просто пробуждение
После летаргии зимних снов —
Бунт страстей, надежды обновления,
И презренье к вечности оков...

Славлю миг, созвучный ритмам сердца,
Миг, который нам приносит вновь
Бесшабашность искренности детства
С верой в бесконечную любовь!

Владислав Васенёв

Памятный мотив

Охотское море тревожно вздыхает,
И белая пена кипит за кормой,
Мы в море уходим. И, кто его знает,
Быть может, не все возвратимся домой.

Морячка заплачет скупыми слезами.
И серые волны на век проклянут.
Лишь белая чайка помашет крылами,
Других моряков за собой позовет...

Мятежное сердце не ищет покоя,
Пусть завтра, быть может, не так повезёт,
Но море есть море, в его непокое
Душевный покой отчего-то живёт.

Охотское море тревожно вздыхает,
И белая пена вскипит за кормой:
Вновь в море уходим – работа такая,
Но знаем, что все возвратимся домой.

Владислав Васенёв

Летний дождь

Отзвенит летний дождь... И откатится.
Погремит над полями гроза...
На берёзках зелёные платица
Заискрятся в счастливых слезах.

И зашепчутся милые модницы,
Отряхнувшись от знойной жары,
Как им ласковость нежная помнится,
Как они в этот мир влюблены...

Брызжут искрами руки ветвистые,
С плеч покатых дождинки текут,
И несёт ветерок шорох искренний.
Как легко, как привольно им тут.

Не ищу я иной переменности,
Кроме той, что от сердца идёт,
Пусть она и пропитана древностью,
Обновлениям смысл придаёт.

Пыль забот оседает на плечи нам,
Зуд познания – риски таит...
А умоемся дождичком истины
И опять респектабельный вид

И готовность на поиск решения,
И желание снова дерзать...
Летний дождик, не это ли мнение
Ты стремился собой доказать?

Владислав Васенёв

На исходе май

Сполохами жаркими очерчены
Грозвые космы чёрных туч...
Жаркий день уже клонился к вечеру,
Источая томной неги грусть.

Было всё светло и предсказуемо,
Кажется, надолго наперёд...
Да... напоз от горизонта с бурей,
Грозовой, в сверканьях молний, фронт,

И заполнил ясность поднебесную
Душным наваждением темноты,
Поменяв размеренность неспешную
На никчёмность глупой суеты.

Мы ль являем образ созидания?
В праве ль спорить с силою Земной?
Грешные, потешные создания,
Не познавшие ещё прообраз свой.

Что родило нас? Что в люди вывело,
Наградив величием ума?
Для чего путёвка в завтра выдана,
Если нам и сущность не ясна?

Просто спорить с тем, что предначертано
«Одеяло» на себя тянуть?
Или, раскусивши суть бессмертного,
В мир земной по-новому взглянуть?

Кой-чему уже сопротивляемся.
Но ещё не знаем наперёд,
Кто и чем, в итоге, забавляется?
Что и как жизнь двигает вперёд?

А покуда – ветер, как симфонию,
Пыль со свистом сыпанул в глаза
И, ломая всё, что с ним зашпорило,
Потащил неведомо куда,

Взгромоздил туч жуткую громаду,
Громом громыхнул над головой...
Да утешился, решив: пока не надо
Выявлять резерв коронный свой.

И помчался в путь витиеватый
Дальше... Выкорчёвывать застой...
А на смену – не делясь на капли —
Хлынул ливень бешеной волной...

Вмиг заполнил ямы и канавы,
Отмывая землю от тоски...
А чего ещё? Пока не знаем мы,
Понесли прочь бурные ручьи...

Я стоял, как в кандалы закован,
Не понятно мне: где ад? Где рай?
Осчастливлен? Или околдован?
Просто жизнь... И на исходе – май...

Владислав Васенёв.

Нараспашку двери отворяя...

Нараспашку двери отворяя,
Лето ворвалось на всём скаку!
И повсюду – чуточку от рая, —
Разлетелись травы на бегу!

Так природа вся похорошела,
Скучные наряды убрала,
Вся в закатах красных заалела,
Обнимая стаями тепла!

Птичий свист и пенье расплескалось,
Словно сладко-нежное вино!
Будто вся земля заулыбалась,
Лету быть! Уж так заведено...

Муравейник детский на площадках,
Всюду разговоры, детский смех,
Лето растворилось без остатка
И заполнило теплом шальных потех!

Как же долго этого мы ждали!
И почти поверить не могли...
Так долой же беды и печали!
Летние деньки уже пришли!

Иванова Тоня

Где ты?..

Где ты? Жизнь сельской нови...
На каких берегах?
В русской горячей крови
Или в безбрежных снах?

И в каких ипостасях
Вновь проявишься ты?
Отражая в сознаниях
Свои мечты!

По колосьям пшеницы
Ветром свежих идей!
Возродить земля просит
Жизнь пустых деревень...

Там где была
Стала болью!
Средь заброшенных вех...
В отражении воли
Самый праведный грех.

Сиротеет земля,
Русской жизни оплот!
И деревня моя
Всё пустей каждый год...

Александр Снежник

Когда на улице не лето...

Осеннее

Уж не за горами холода,
В танце листьев кружится планета —
Осень красно-жёлтая пришла
На задворки, отодвинув лето.

Всё унылей за окошком вид,
Голая земля на огороде,
В небе журавлиный клин летит,
И суставы ломит к непогоде.

Всё короче и короче дни,
С каждым днём всё холодней рассветы,
Затяжные мелкие дожди,
Словно плачет на прощанье лето.

Дрожь по телу, глядя на реку,
Где недавно с радостью купались;
Лишь рыбак один на берегу
И воспоминания остались.

По низинам стелется туман,
И роса холодная до жути,
Бабье лето – это лишь обман,
Эхо лета и мираж, по сути.

Не поют ночами соловьи,
И лягушки квакать перестали...
Только лишь дожди, одни дожди —
Спутники уныния, печали.

Но хоть что про осень ни пиши,
Видно, так задумала природа:
Осень – состояние души,
А, скорей всего, не время года!

Подольский Сергей

Боярышник

Небо роняет холодную воду,
Порванный зонт гонит ветер по лужам.
Просто принять законы природы,
Сложно признать, что ты ещё нужен.
Осень сыпает боярышник красный,
С веток, что гнутся за мокрым окном.
Нет, не скажу, что ушла я напрасно,
Только чуть грустно, что мы не вдвоём...
Сколько ещё раз октябрь наступит,
Ягодой красной в траву осыпаясь?
Прежде, чем сердце тебя позабудет,
Прежде, чем в страсти другому признаюсь.

Оксана Довгучен

Обнажённая осень

Вот и сбросила осень последний наряд.
Обнажились стыдливо деревья и скверы.
Город пуст. Почему-то я этому рад.
Даже осень меняет тепло и манеры.

Не укрыта листвой под ногами трава.
Всю убрали волшебные дворников руки.
Осень-женщина вновь бесконечно права,
Обрекая себя и всех нас на разлуки.

Я надеюсь, что скоро пойдёт первый снег.
Ляжет нежно на плечи белоснежная шуба.
Отогреет, оденет, укроет от бед.
Любит женщину-осень декабрь белозубый.

Юлия Алексеева

Распускается в мире весна

Солнце в небе тепло заискрилось,
Распускается в мире весна.
Золотыми лучами покрылась
И с сугробов сошла белизна.
Снег темнеет, стекает ручьями,
От проталин повсюду следы,
И осталась у нас за плечами
Красота уходящей зимы.
Небо, вышитое облаками
Ярко-белыми наискосок,
На земле отразилось цветами,
Пролилось, как берёзовый сок.
Поднимаются травы неспешно
Разноцветным ковром по земле.
Ветерок дует сладко и нежно,
Подпевая пришедшей весне.

Ольга Шальнева

Бирюзой отливаясь...

Бирюзой отливаясь
Сквозь промёрзшее небо,
Изумрудами стелется снежная мгла.
Несгоревшие мысли
Огонёчками беглыми
Отражаются в сполохе подле меня...
И так хочется плыть
За туманом к рассвету...
Снежных далей простор собой ощутить.
Эта ночь – миг волшебный, и другой такой нету!
Сквозь сияние – в память! Её не забыть...

Александр Снежник

Капельки

Время счастья наступило...

Время счастья наступило.
Я тихонько дверь закрыла,
Чтобы спали они сладко
В тёплом сне в своей кровати...

Дети за весь день устали:
За диваном пролезали,
Залезали на шкафы,
Прыгали потом с софы.

Рисовали на листах,
На обоях и шкафах,
Разбросали всю посуду...
Чудо дети? Просто чудо!

Младший есть пытался снег,
Старший песни пел для всех
В тихий час... Потом вдвоём
Ели крошки под столом...

Я их целый день ругала,
Наставляла, обнимала,
И в объятьях детских милых
Время счастья наступило!

Пусть порою хулиганы
Портят стены и диваны,
Лишь бы только не болели,
Добивались своей цели!

Без детей мой дом пустой.
С ними – полон теплотой,
Смехом, баловством и сказкой...
Рядом с ними жизнь прекрасна!

Иванова Тоня

А заверните заботу мне...

А заверните заботу мне, пожалуйста, в плед!
Как это в наличии нет?
Но ведь соседка вчера покупала...
Что? Так быстро порасхватили?
Нет ни грамма? Песчинки скупой?
Но мне очень нужно! Боже ты мой!
В декрете я деткам своим раздаю,
И мне на себя не хватает,
О них я заботиться очень люблю,
Но к ночи уже понимаю...
Что тоже хочу заботы чуть-чуть,
Хочу в тишине порой отдохнуть,
Чтобы чаю мне подливали,
Пледом тёплым меня укрывали,
Нет, кормить с ложки не надо,
Просто объятию тёплому рада...
Просто приходу подруги любимой,
Мне без заботы невыносимо...
Вы отдадите заботу свою?
Спасибо, не надо уже, я пойду!
В сердце своём отыщу для себя
Заботы кусочек, а, может быть, два...
Если себя я не сберегу,
Заботу другим подарить не смогу.

Иванова Тоня

Доброе утро, малыш!

Я ладошки твои поутру поцелую —
И улыбка скользнёт по румяной щеке.
Я на память твой образ себе зарисую
В незатейливой этой игривой строке.
Солнце нежно коснётся волос твоих светом,
И откликнется медью на чёлке волна.
По ресницам скользнёт, чуть дыша, незаметно
Лёгкий шёпот пришедшего нового дня.
Ты ещё остаёшься во власти Морфея:
В одеяло зарывшись, так сладко сопишь.
Обниму тебя нежно, как только умею,
Мой, похожий на облако счастья, малыш.

Ольга Шальнева

Колыбельная о Ведьмаке

Догорает свет лучины.
Ночь окутала равнины,
Горы, реки и чащобы,
Все тропинки и дороги.
Старый кот клубком свернулся,
В хвост пушистый обернулся.
Верный пёс спит у порога —
Бережёт от гостя злого.
Спи, малыш мой, да не бойся,
От печалей сном укройся.
Не тревожься о невзгодах.
Спи, мой сокол, до восхода.
Не крадётся лихо к дому —
Не пройти несчастьем злему.
Стережёт Ведьмак дороги,
Страж для нечисти жестокой.
Бродит он по белу свету,
Истребляя за монету
Духов, бесов, вурдалаков,
Злобных бестий тьмы и мрака.
Меч серебряный он грозный
За плечами носит в ножнах
Для чудовищ безобразных,
Лики чьи для глаз ужасны.
Для людей – клинок из стали.
Ведьмаку его сковали,
Чтобы быть лихому люду
Карой верной отовсюду.
Будь ты сын простого люда
Иль надменный важный сударь —
Ведьмаку твой род не важен,
Коль ты злом обезображен.
Он в скитаньях одиноких
В странах близких и далёких
Стережёт края людские,
Презираемый, гонимый.
Прозван был молвой отродьем,
Королям был неугоден,
Но был глух к людскому слову,
Приходя всегда вслед зову.
Засыпай, дитя, не бойся,
Не тревожься, успокойся.
Не грозитя лихо злое,
Всё забрал Ведьмак худое...

Пан Шафран

Проза

Её величество – природа

История одной песчинки

Вся моя жизнь состояла из путешествий.

Однажды я была на пляже. Солнце согревало своими лучами, морской бриз обдувал приятной прохладой. Вдалеке слышались крики чаек и плеск волн.

Как вдруг безмятежность происходящего была нарушена. Волна подхватила меня, завертела, закружила в потоке и понесла вглубь моря.

Опуститься на самое дно мне не дала стая рыбок. Я скользила по их спинам, плыла подхватываемая потоком.

И тут – темнота... Неужели меня проглотила какая-то рыбка? Нет, это был бы не конец, но выход из ситуации представлялся не самым приятным.

Судьба оказалась более благосклонна – меня затянуло под панцирь черепашки. Спустя немного времени потоками я сместилась на очень удобное место, и всё путешествие рассматривала шикарный вид морских красот. Столько эмоций не испытывала даже в песчаной буре.

И вот однажды черепашка поплыла в сторону суши. Она выползла на берег и начала зарываться в песок. Интересно, что происходит? Она так елозила, что я упала. Черепаха уползла, а в песке остались яйца.

«Ах, малыши! Не беспокойся, милая, я со своей семьёй присмотрю за твоими детками, скроем их от хищных глаз.»

Мы сберегали тепло, пока черепашата не вылупились.

На восходе солнца часть моей семьи последовала на их панцирях в увлекательное путешествие по морю.

На новом пляже я тоже задержалась ненадолго, но это уже совсем другая история.

Милованова Татьяна

Как у берёзы появились пятна

В прежние времена, когда не существовало городских построек, а воздух повсюду был чист и свеж, на полянке, заросшей густыми, ароматными травами, стояла молоденькая, стройная берёзка. Кора её была белоснежна как снег, а тонкие веточки тянулись к солнцу.

Вот однажды берёзка увидела, как грустная девушка прибежала на поляну и давай слёзы лить. Спросила берёзка девушку, почему она грустит, та поделилась своими печалью. Как оказалось, её обидела первая любовь.

Пожалела берёзка девушку, прикоснулась к ней своими веточками и забрала её душевные боли и печали. Стали они лучшими подружками, девушка стала часто приходиться к берёзке, рассказывать новости из деревни, беседовать обо всём, что придёт на ум. И берёзке было весело, что у неё появилась подружка, с кем можно скрасить знойные будни и посмеяться.

Но как-то раз сболтнула девушка соседям о чудо-берёзе, что та помогает забыть печали и тоску. Разнеслась эта новость по деревне, люди вместо того, чтобы самим решать свои проблемы, стали обращаться к берёзке. Та поначалу с радостью делилась своей помощью, но скоро стала чувствовать, что теряет силы, ветки уже не тянулись к солнцу, а наклонились вниз, подобно ивовым. Настроение было тоскливым, а на когда-то белоснежной коре появились тёмные пятнышки, каждое стало воспоминанием о том или ином событии из души человека.

Снова пришла её навестить девушка из деревни. Берёза, переполненная негативными человеческими эмоциями – обидами, болью, горем – разозлилась на подругу, обвинила во всём, что с ней произошло, и сказала больше не приходиться. Шло время, берёза продолжала расти, пятна на коре так и не исчезли. Берёзе не удалось освободиться от людских чувств, целыми днями она только грустила, а деревенская девушка больше не приходила.

Вот уже не одну неделю стояла засуха. Почва стала твёрдой как камень, без воды растения стали увядать, как и сама берёза. От такой жары где-то в лесу начался пожар, берёза заметила дым над деревьями, но скоро показалось и пламя. Поглощая всё на своём пути, оно добралось и до берёзы. Опаляя ствол, языки пламени тянулись к слабеньким веточкам. Уже не чувствуя обжигающей боли, берёзка начала думать, что вот и настал конец её короткой жизни.

Непонятно как узнав о произошедшем, появилась та девушка-крестьянка с двумя ведрами воды. Потушила берёзку, да поздно было: ослабшее дерево уже не подавало признаков на выздоровление.

Прошли года, на месте сгоревшей берёзки стали расти её детки – когда-то малюсенькие серёжки на ветках своей матушки. Уцелевшие в земле при пожаре, они проросли и превратились в прекрасные стройные деревья с полосатой корой. Берёзки заполонили всю поляну, которую люди стали называть «берёзник». Все до единой они унаследовали дар первой берёзы. Как и она, молодые деревья могли помогать людям: забирать печали, дарить радость и помощь. Но делали берёзки это только для добрых людей, которые этого заслуживают, и не очень часто, считая, что человек сам должен решать свои проблемы. А если человек этого не понимал и обращался слишком часто, то берёзки добавляли ещё больше забот и поводов для беспокойства.

Рудаева Мария

Её удивительный мир

Народ сновал туда-сюда по остановке, каждый в ожидании своего автобуса. Кто-то кутался в лёгкую курточку с недовольным лицом, а кто-то уже натянул тёплое осеннее пальто и стоял с совершенно скучающим видом. Солнце периодически выглядывало из-за туч, согревая своими редкими лучами изголодавшийся по теплу люд, который уже две недели терпел дожди. Она выделялась среди всех своим ярким, совершенно летним лёгким платьицем с причудливым узором из цветов. Голые плечи едва прикрывала чуть сползшая вниз серая кофта, а на губах играла улыбка. Казалось, что девушка что-то потеряла, так усердно она оглядывается по сторонам. Рядом с ногами вертелся щенок, вынюхивающий всё вокруг, но ни на шаг не отходящий от хозяйки.

– Простите, не подскажете, куда едет этот автобус? – её голос звучал чуть растеряно и напугано, когда она обратилась к незнакомому мужчине не самой приятной наружности, услышав скрип колёс об асфальт.

– Он едет в город N, – к собственному удивлению, он ответил ей без малейшего раздражения, несколько очарованный её мягким и звонким голосом.

– Вот как. Никогда не бывала в нём, – доверительно сообщила девушка, ярко улыбаясь.

Мужчина, испуганный таким вниманием, вдруг стушевался и сделал несколько поспешных шагов назад, а после растворился в толпе. Светловолосая, даже не заметив такой перемены, всё также светясь и сверкая во все тридцать два зуба, села в автобус, ведомая своим щенком вглубь «железного коня». Она плюхнулась на первое попавшееся свободное место, не забыв усадить своего друга рядом. Автобус тронулся с места. Пёсик сидел смиренно, не издавая ни звука, а девушка, казалось, погрузилась глубоко в себя.

Окружающий мир её ничуть не беспокоил и не мешал размышлять о чём-то своём. О чём-то столь же далёком и прекрасном, как фантастические миры писателей и поэтов. Мысли бурлили, кипели и уносились, словно ветка, плывущая по течению горной реки. Она прикрыла бледно-голубые глаза, погружаясь в мир грёз, но лишь с одной целью – проснуться и увидеть удивительный мир снова, как и каждый день до этого.

Сон, однако, длился недолго. Совсем скоро по лицу скользнул игривый солнечный луч, одаряющий своим теплом правую половину её лица. Незнакомка чуть поморщилась, пробуждаясь от весьма приятных снов о море, в котором она купалась, когда ей было лет пять. Даже самые маленькие волны окатывали её с головы до ног, а она лишь хохотала и раз за разом подставлялась под прохладные прикосновения воды. В её ещё чуть сонных и только что открывшихся глазах плескалась водная рябь небольших озёр, которые мелькали за окном, переливаясь в солнечных лучах.

На её губах заиграла улыбка. Этот мир всегда был для неё удивительным. Блеск воды, солнечные зайчики, плясавшие по автобусу благодаря щенку, чей ошейник давал миллионы бликов, пушистые облака, расступившиеся перед огромным ярким светилом, словно признавая его мощь. Весь этот мир был полон того, что не так сложно заметить, но так сложно увидеть. Девушка в цветастом платье улыбалась пейзажу за окном и каждому, даже самому хмурому, пассажиру этого душного автобуса. Её душа парила и словно просилась на улицу, чтобы окунуться в этот поразительный мир грёз.

Вскоре автобус затормозил, и чуть хриплый голос водителя сообщил название остановки. Люди неспешно вставали с мест, о чём-то переговариваясь со своими спутниками, уткнувшись в телефоны или же погружившись в пучины своих мыслей. Девушка вспорхнула со своего места с такой энергией, будто бы только что отдыхала не менее недели. Она даже не смотрела под ноги, покидая душный автобус, звонко смеясь под громкий лай своего спутника, иногда задевая кресла или других людей, не забывая тут же негромко произнести «извините».

На улице играл лёгкий ветер, приподнимавший подол её платья, но светловолосой было всё равно. Она замерла недалеко от дверей транспорта и, прикрыв глаза, с наслаждением втянула воздух, наполненный ароматом цветов. Цветов было море, если не океан. Пёстрые, крупные, маленькие, демонстрирующие свою красоту или же только робко раскрывающиеся бутоны – все они были прекрасны. Незнакомка неосознанно поправила кофту, о которой и вовсе думать забыла, вслушиваясь в тихое жужжание шмелей, стрёкот кузнечиков и шум изредка проезжающих автомобилей. Могло показаться, что осень наступила во всём мире, почему-то забыв об этом уютном уголке лета, который мог покорить любую, даже самую чёрствую душу. Она улыбнулась ещё шире, услышав едва заметный скрип.

– Джей, не хочешь покататься на качелях? – в ответ раздалось лишь уверенное «тяф», которое, конечно же, выражало самое уверенное согласие в мире.

Смех девушки стал ещё заливистей, чем минуту назад. Сквозь траву, щекочущую ноги, и насекомых, так и норовивших укусить того, кто потревожил их покой, девушка пробралась к заветному месту. Хозяйка щенка села на качели, которые отозвались приветственным скрежетом металла о металл. Скрип становился всё громче и сильнее с каждым её раскачиванием.

Запрокинув голову, она широко распахнула глаза. Облака были прекрасны. Вот здесь – словно пена от прибоя, на которую сейчас накатится очередная волна и оставит за собой ещё один пенный след. А вон там, вдали, прямо перед лицом, если сесть ровно, – удивительной красоты гора, контур которой очерчивается солнечными лучами, отчего начинает казаться, что ты скалолаз-путешественник, который встретил новый рассвет во время покорения очередной вершины. Или же там, чуть правее, кажется, что открылся невероятный вид на вершину Олимпа, описанный древними греками, и тебе хоть одним глазком удаётся увидеть чудеса, которые создают Боги, подвластные Зевсу. Например, крылатых рыб, которые лениво парят над мостом, раскинувшимся над золотистым прудом. Ещё немного выше – и даже удастся заглянуть чуть дальше, увидев, как Афродита плетёт свои косы, покачивая своей изящной ножкой в такт звукам арфы. Нужно лишь чуть сильнее раскачаться, и весь мир будет как на ладони.

И она продолжает взмывать всё выше, блаженно улыбаясь миру, полному чарующих мелочей, греясь в едва ощутимых лучах солнца. Её мир – совсем другой. Не такой, каким его видят люди, проходящие мимо с каким-то странным выражением лиц, когда они оглядываются на слишком легко одетую девушку, совсем не обращающую внимание на то, что через пару минут начнётся дождь. На самом деле её мир пуст. В нём нет света. Нет ничего, что можно было бы увидеть. Вот уже как три года перед её глазами сплошная тьма. Но она смеётся и улыбается, вспоминая то, чего раньше не замечала, как и все эти люди. Лучше быть слепым всего лишь глазами, чем слепым душой.

Оксана Ююкина

Скользящий вниз

Далеко-далеко внизу простирается длинная дорога, по которой мчатся одной огромной вереницей разноцветные металлические звери. Они издают жуткий, режущий слух шум, который совершенно сбивает с мыслей. Рядом с ними то и дело спуют люди, ныряя и, наоборот, выныривая из них. Они торопятся по своим неизвестным делам, изредка задирая голову, чтобы взглянуть на меня. Между нами этажей, наверное, двенадцать. Интересно, как долго падать вниз? И будет ли кто-то из них смотреть за моим полётом, замерев от ужаса? Расскажут ли они об этом детям, семьям? Мой первый и последний полёт – они запомнят его или вычеркнут из памяти, словно меня никогда и не было?

Интересно, если с такой высоты упасть, то, наверное, будет очень больно? Или земля покажется мягкой, как пух, смешанный с перьями? А этот бесконечный полёт до земли? Закрываю глаза, я представляю и каждой клеточкой тела ощущаю, как ветер разрывает меня на части, пытаюсь не дать мне коснуться асфальта. Липкий страх тут же окутывает меня и сжимает грудь в тиски, не давая дышать. Даже сейчас я чувствую, как леденеет сердце и цепенеют конечности от одной мысли, что я должна сделать. Решусь ли я сделать этот шаг в пропасть? Нет, не верно. Я уже решила. Начало давно положено – я здесь и смотрю прямо в бездну. Осталось совсем немного – лишь наклониться вперёд и упасть, но смогу ли я? Нет?

Тело словно пронзает током. Страшно думать об этом, ведь потом я уже никогда не вернусь домой, оставлю позади всё, что мне так нужно, всё то, от чего мне спокойно. Покину всё то, что мне было так дорого. Я открываю глаза, а волны паники и ужаса продолжают прокатываться, как разряды молнии. В воздухе пахнет приближающимся дождём. В мимолётном порыве я делаю робкий шаг назад и поднимаю взгляд вверх.

Было бы здорово прямо сейчас вспорхнуть в небеса, как те птицы, что кружат там, вдали над деревьями, освещаемыми солнцем. Летать себе, не думая ни о чём, быть беззаботной и лёгкой, словно сливаясь с тёплыми и ласковыми потоками ветра. От таких мыслей по телу вновь пробежал холодок, а взгляд мигом устремился вниз. Зажмуриться и не видеть бы этот асфальт, забыть, как дышать и не чувствовать запах смерти, смешанной с дождём.

Я хочу смотреть на мир, как они. Увидеть много прекрасных мест, купаться в солнечных лучах и лететь за этим огромным огненным шаром, чтобы казалось, что он вовсе и не исчезает с неба. Найти новых друзей. Увидеть весь мир, ведь он такой... огромный. Безграничный и бесконечный. Сколько всего можно было бы посмотреть! Можно было бы... но меня ждёт лишь крепкий, твёрдый, такой безразличный и совершенно бессердечный асфальт.

Может быть... может быть кто-нибудь меня спасёт? Кто-нибудь... Вряд ли... люди порой так же бессердечны, как и холодный бетон. Моё тело растопчут, словно меня и не было. Но для начала мне нужно сделать лишь шаг... один шаг в пропасть. Больше не будет страха, сомнений и бессмысленных разговоров с самой собой. Один шаг. А сердце предательски дрожит и хочет выскочить из груди.

Мне уже пора сделать этот маленький шаг вниз. Вот так, к самому краю. Заглянуть за него, чтобы вновь увидеть шумных металлических монстров, которые не замолкают ни на минуту и не останавливаются. И увидеть эти глаза. Удивлённые, любопытные и, может быть, самую малость испуганные. Наверное, эти глаза будут последними увиденными в моей жизни. Глаза ребёнка, которого медленно утаскивают вдаль, а он всё продолжает смотреть на меня, пытаюсь мне что-то сказать. Возможно, он просит меня жить? Нет, не думаю. Его слов мне никогда не услышать с такой высоты. Почему-то от этого моё тело начинает дрожать всё сильнее. Мне страшно. Мне дико страшно отдавать свою жизнь вот так. Мысль, что я буду лежать вот там в самом низу, обжигает ужасом и проходит током по всему телу. Я не хочу умирать, но лучше так, чем умирать в медленной голодной агонии.

Жизнь, пусть и столь короткая, но была прекрасна. Яркий солнечный свет, постоянные перепалки с братьями, тёплые объятия мамы... Я хочу жить. И мне страшно идти на смерть добровольно. Возможно, лучше было бы смотреть на какой-нибудь парк, залитый солнечным светом, в котором много деревьев и, словно второе солнце, сверкает озеро. Тогда бы я просто закрыла глаза и поддалась власти ветра, в последний раз искупалась бы в тёплой воде, нарушив её спокойную гладь своим далёким прыжком. Может, тогда бы было по-другому... но я здесь, и ждёт меня твёрдая непоколебимая гладь асфальта. Наверное, это всё-таки больно. Однако стоит только вновь выглянуть за край, как дыхание вновь замирает, а сердце отказывается продолжать свой мерный ритм. Я...

Внезапный сильный порыв ветра смахивает меня, словно пёрышко, с самого края, отправляя в полёт и не испытывая сомнений. Из горла вырывается истошный вопль. Я хочу жить! Я не хочу умирать! Но пути назад нет. Я уже лечу с крыши, и отменить это невозможно...»

Тоненький голосок вскрикнул, словно нож, разрушая монотонный рассказ о Древнем Египте. Учитель недовольно взглянул на маленькую темноволосую девчущку, которая от испуга вскочила с места и будто прилипла к окну. Голубые глаза распахнулись от ужаса, а с губ сорвался взволнованный шёпот:

– Она же разобьётся!

Все в классе мигом оторвались от скучных учебников и в едином порыве ринулись к окну, успев увидеть лишь конец падения маленькой птички с крыши высокого здания. Кажется, она что-то кричала и отчаянно махала бесполезными крыльями. Наконец, разрушая оковы своего страха, она взмыла вверх и открыла для себя новый мир – мир неба.

Оксана Ююкина

О людях, о жизни, о чём-то очень важном...

Баба Матильда

Баба Диля – армянка из Узбекистана – самая обычная уборщица самого обычного московского сетевого магазина. Обычная-то обычная, да не совсем... Всего за год до своей пенсии нужда забросила бывшую учительницу русского языка и литературы в столицу России, где с горем пополам она и нашла эту работу. Похоронив рано ушедшего больного мужа, остаток своей жизни она решила посвятить своему внуку. Сын уехал на заработки в Швецию, и вот уже два года как от него ни слуху ни духу. Невестка, похоронив мать, едва сводила концы с концами. Бросив работу в сельской школе, баба Диля решила попытать счастья на хлопковых полях. Но не денег принесла эта работа, а огромные проблемы со здоровьем. И тогда, списавшись по интернету с бывшими учениками, она решила отправиться покорять Москву.

Рабочий день Дили длился двенадцать часов, выходной – один. Нельзя сказать, что работа была тяжёлой... Нет! Зрение и многочисленные болячки внутри всего организма подводили её. То там колышет, то мигрень станет препятствием, а то глаза не увидят...

Но вот уши и сердце бабушки, у которой на стареньком кнопочном мобильнике играла мелодия «Кто может сравниться с Матильдой моей» – стали достоянием всего коллектива, который прозвал её «бабой Матильдой».

А она и не обижалась на это... И от души старалась делать работу так, чтобы все были довольны...

Но ведь всем не угодишь!

«Ах, шайтан привередливый, что бы ни сделала, ему всё не так. Молодой, но такой высокомерный!» – кляла она директора и добавляла: «Хорошо, что красивый! Колет шипами, как дивная роза, но обидеться нельзя, ибо прекрасное глаз радует!»

По возрасту и по статусу в своей семье она была бабушкой, а бабушки любой национальности похожи друг на друга. Им свойственно ворчать, замечая, что и где не так, поучать и иметь любимчиков.

Она боготворила продавца бакалеи Ивана, москвича, который, имея пятерых детей и двоих внуков, в свои пятьдесят семь работал и двигался так, что мог ему позавидовать любой молодой.

«Ах, Иван-джан, пчела ты, на месте не постоишь, всё бегаешь и бегаешь! Отдохни, чаю попей!»

Но тот улыбался до ушей беззубой улыбкой, махал рукой и вприпрыжку тащил товар в зал.

А баба Матильда смеялась и кричала в вдогонку: «Так там у тебя сзади пар или песок дымит? Что-то видно плохо!»

Иван, бывший журналист (правда посредственный, никогда этим не кичившийся), в свободную минуту нет-нет да удивлял Матильду стихами собственного сочинения...

Матильда слушала с наслаждением, а потом обязательно заводила разговор на тему приказавшего долго жить Союза: «Большая коммунальная квартира была! Кому плохо было? Зачем все по отдельным разбежались, замков понаставили, стали хаять старое и ненавидеть бывших соседей? Кто мы стали без России? Это ж как море огромная она, а мы – иностранцы экс-советские – реки-притоки её. Свободные, но нищие и безродные, ибо родная земля – мать, а отец – мощь и слава Российская... А от него-то нас и отлучили! Историю переписывают, врут народу, славят свободу, а она – гнёт кучки богатеев, отчего в революцию и ушли. Романы по крупице эти земли подчиняли и собирали, а тут раз все – счастье... Может и так,

но инструкций, как им пользоваться, не дали. Видишь, сколько народу в вашей Москве? Весь бывший Союз за лучшей долей и советом к отцу родному прибыл. Не каждый находит то, что ищет, но боль свою лечит... Или злобится и становится шайтаном, которому нигде места нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.